

ХАКАНИ

ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

Tyulemissov Madi مەدی ابو اصل

tmadi1@gmail.com

Х А Ъ А Н И

Ж И Р И К А

**Перевод с фарси
В. ДЕРЖАВИНА**

С(Аз)1

X16

***Вступительная статья
и примечания***

М. З А Н Д А

Оформление художника

Г. ФИШЕРА

7—4—3

118—66

ХАКАНИ

(1121—1199)

Наверное, жизнь каждого из больших поэтов, от самых древних, что известны нам, до самых современных, по-своему трагична. От Сафо и Овидия до Лорки и Анны Ахматовой, поэты, как репинские бурлаки, тянут на пропитанных потом и политых кровью лямках стихов баржу своих и чужих страданий. Мы вглядываемся пристально и зачарованно в их лица, мы вчитываемся в то, что написано ими — в наши мысли, наши раздумья.. Но знаем ли мы хотя бы даже только в лицо всех великих бурлаков человеческого горя и человеческих страстей?

Вот один из них — человек с длинным и необычно звучащим именем Афзаль ад-дин Бадиль Ибрахим ибн Али Хакани Ширвани, живший в далеком двенадцатом веке. Русский читатель почти не знает его, хотя он — наш соотечественник: Ширван, где родился поэт (отсюда и слово Ширвани — ширванец — в его имени), — это часть Азербайджана, а столица Ширвана — Шемаха, где поэт провел большую часть жизни, — хорошо известна каждому из нас с детских лет — ведь это родина шамаханской царицы Пушкина и

Римского-Корсакова. Хакани писал на языке фарси (или, как называли его сам Хакани и его современники, — парси), непосредственном и очень близком предшественнике трех литературных языков наших дней — персидского, таджикского и фарси-кабули. Вот почему поэта знают и любят не только азербайджанцы, но и те, кто говорит сегодня на этих языках, — персы, таджики, жители ряда областей Афганистана, Пакистана, Северной Индии.

Почему его любят? Разве можно ответить на этот вопрос? Кажется, еще никому и никогда не удавалось ответить на вопрос о причине любви — чувство всегда иррационально, а попытка объяснить его всегда рационалистична.

Вероятно, можно было бы обойтись без этих нескольких страничек предисловия и предоставить читателю сразу начать диалог с поэтом, если бы Хакани относился к числу тех, кого можно понять с первого взгляда, с первой строки.

Хакани — трудный поэт, и тот, кто любит читать, лишь скользя глазами по строкам и радуясь понятности и доступности смысла, лежащего на поверхности, лучше пусть не листает эту книжку дальше.

Труден Хакани не потому, что жил почти восемьсот лет назад, хотя, конечно, дистанция в восемь столетий затрудняет в какой-то мере восприятие некоторых поэтических ходов и поворотов, звучавших в свое время, быть может, как злободневные намеки и ассоциации, а сейчас воспринимаемых лишь как поэтическая игра.

И не потому труден Хакани, что он стоял на вершине всего круга знаний своего времени — от астрономии до теологии — и его эрудиция свободно и пластически выливалась в стихи, хотя до сих пор некоторые термины и реалии его стихов остаются предметом ученых споров.

Многие поэты прожили как бы две жизни — одну, внешнюю, физическую, что ли, — жизнь заурядных чиновников, заурядных сановников, заурядных служителей бога, и вторую, внутреннюю, насыщенную непрерывным горением духа, которая и была их

истинной жизнью, жизнью-творчеством. Что нам, скажем, до того, что Новалис был аккуратным чиновником или Тютчев — примерным дипломатом, а позже служащим цензурного ведомства, если правда их жизни — в их поэзии, и, чтобы узнать этих поэтов, нам нужны, в общем, только их стихи, да иногда немногие детали биографии как примечания к отдельным строкам. Таких поэтов воспринимаешь через них самих, и в этом смысле они легки для понимания.

Но есть и другие поэты. У этих правда их поэзии — в их жизни. Здесь не обойдешься уже биографической деталью как примечанием к стиху. Здесь вся жизнь — комментарий к поэзии и, наоборот, вся поэзия — комментарий к жизни. Чтобы воспринять такого поэта, мало знать лишь его поэзию, надо знать его жизнь. И в этом смысле таких поэтов труднее воспринимать. К их числу принадлежит и Хакани. Он трудный поэт прежде всего по этой причине. Не будем поэтому предаваться предписанному всеми канонами жанра предисловий разбору творчества поэта, — обычно каждый предпочитает разобраться в этом сам, — попробуем сделать здесь только одно — рассмотреть поэзию Хакани как автокомментарий ко всей его жизни и рассмотреть его жизнь как реальный комментарий ко всей его поэзии.

Выходец из самых низов феодального города (его мать, которой он посвятил столько искренних строк любви, была вольноотпущенницей-христианкой, обращенной в ислам, а отец, видимо приемный, был плотником), Хакани упорно ищет свое место наверху. Его огромный и рано осознанный поэтический талант ясно и недвусмысленно, казалось бы, указывает ему путь к заветной цели: слово — вот что может привести его из рядов обездоленных в ряды хозяев жизни.

И Хакани делает все, чтобы как можно скорее, как можно более коротким путем прийти к своему месту наверху. Безудержная лезть ничтожным правителям Ширвана — ширваншахам, панегиристом которых он становится, приспособленчество, диничная

клевета на своего первого покровителя и тестя, поэта Абу-ль-Аля Ганджави,— все поставлено на карту, все пущено в ход. И вот цель достигнута — слава, богатство, блеск положения первого из придворных поэтов, любимца и поэтического «alter ego» ширваншаха,— как быстро добился он всего этого!

Так Хакани трагически обманул себя — продал свой талант ширваншахам, как его современники в тогдашней Европе продавали свои души дьяволу. Но дьявол забирает запроданную ему душу лишь после определенного срока — он был честен и щепетильно пунктуален, дьявол. Не так поступали ширваншахи: они потребляли талант Хакани, когда заблагорассудится, так, как потребляли плов, вино, наложниц, запуская жирные руки в душу, опустошая до дна, растлевая. Хакани довольно скоро понял, что обманул себя,— понял, к несчастью для себя как парвеню, стремившегося к богатству и славе и достигшего их, к счастью для себя как поэта, стремившегося быть и остаться поэтом. И, осознав это, он стремится теперь вырваться из дворца ширваншахов с тем же, а быть может, и с большим упорством, чем старался прорваться в него.

Правда, пока Хакани стремится только сменить дворец ширваншаха на дворцы других правителей. Везде хорошо, где нас нет! Опыт, отлившийся позже и в другом краю в эту горькую пословицу, не был, видно, еще усвоен поэтом, и он пишет и отправляет блестящие оды правителям, сидящим в далеком Хорасане и далеком Хорезме, чтобы обеспечить себе место при их дворах.

Но в Хорезме главой придворных поэтов пребывает холодный виртуоз и блестящий теоретик стихотворной формы Рашид ад-дин, прозванный за свое внешнее уродство «Летучей Мышью» — «Ватватом». Допустить переезд Хакани ко двору хорезмшахов? Но ведь это значит распрощаться на склоне лет с теплым и почетным местом — а оно досталось Ватвату ой как не легко, и сидит он на нем не очень-то уж прочно! Пускается в ход испытанное оружие

придворных интриг, и Хакани не попадает в Хорезм. Единственное, что он может теперь сделать,— отомстить Ватвату едкой и злой сатирой, но это уже месть побежденного.

С величайшим трудом вырывает Хакани около 1150 года у своего «покровителя» ширваншаха разрешение на кратковременную отлучку и устремляется в Хорасан, к султану Санджару, главе мощного государства Сельджукидов, включавшего в себя ряд земель современных Ирана, Афганистана и Средней Азии. Но поэта задерживает у себя правитель Рея — кому не лестно быть воспетым не захудалым доморощенным одописцем, а поэтом уже прославленным, талантом общепризнанным?! И пока Хакани слагает скрепя сердце славословия правителю заштатного Рея, могучий Санджар попадает в плен к кочевникам-гузам.

И Хакани возвращается в ненавистный шемахинский дворец ширваншахов. Все чаще и чаще в панегирические касыды поэта вторгаются диссонирующие с пышностью и звонкостью парадных славословий строки горького философского раздумья, беспощадного скепсиса, яростного противопоставления себя окружающей действительности, а демонстрация эрудиции оборачивается почти нескрываемой насмешкой над тупостью и ограниченностью восхваляемого. Еще резче звучит трагическая тема отчужденности от окружающего поэта тесного и душного мира, усугубляемая темой почти безнадежных поисков близкой души, близкого по духу существа, в стихах, которые поэт писал для себя и читал, очевидно, лишь немногим.

Лишь в 1156 году перед Хакани снова ненадолго растворяются ворота его золотой темницы: ему высочайше разрешен хадж — паломничество в святые города ислама Мекку и Медину. И снова поэт возвращается в Шемаху, привезя с собой наброски своей единственной поэмы «Дар двух Ираков» (то есть Ирака арабского — Месопотамии и Ирака аджамского — западного Ирана) — первого в литературе на языке фарси поэтического рассказа о путешествии.

И снова тянутся годы ненавистного служения лжи. И поиски выхода из страшного противоречия, из мучительного разлада между тем, что приходится говорить, и тем, что хочется и удастся сказать в отдельных строках, отдельных стихотворениях, уже не приносят душевного равновесия.

И поэт решается на крайнюю меру — пытается тайно бежать из Шемахи. Бежать от ширваншахов? Но они многоопытны и знают, как обращаться с поэтами: у поэта может быть только два местопребывания — во дворце под рукою правителя или в темнице под плетью тюремщика; ведь в тюремной крепости ширваншахов успел побывать уже не один поэт. И Хакани схватывают, и золотая темница дворца ширваншахов сменяется для него сырыми и мрачными сводами тюремной крепости.

То ли по забывчивости, то ли в надежде получить от поэта славословия и из темницы, правители не лишают его главного — возможности писать. И он создает потрясающие по силе отчаяния и гнева тюремные оды, заставляющие нас, воспитанных на образцах европейских, вспомнить Уайльда — вспомнить и отдать здесь горестную пальму первенства Хакани. Очевидно, лишь заступничество гостящего в Шемахе будущего византийского императора Андроника Комнина, которому Хакани адресует две свои тюремные оды, спасает поэта от более тяжких кар. Его милостиво освобождают из крепости, чтобы снова ввергнуть в золотую темницу дворца.

И вот еще один хадж — в него поэт отправляется в 1175 году, всего два года спустя после того, как в послании к Андронику Комнину выказал себя чуть ли не христианином (с подозрительной горячностью, правда, отведя от себя подобные подозрения в конце того же послания), — блажен путь, уводящий от дворца ширваншахов! И хотя путь этот — путь к святыням ислама, самое сильное впечатление Хакани на этом пути не Мекка и не Медина, а Медаин, древняя столица иранских царей, безжалостно разрушенная теми, кто принес ислам в его родные края.

Лишь в 1184 году удастся поэту вырваться из дворца ширваншахов. Он узжает в Тавриз — наконец он свободен. Но не поздно ли пришла свобода? Ему уже за шестьдесят, он слаб, умирают самые близкие ему люди, и его собственная смерть маячит где-то невдалеке, и плач по родным звучит плачем по самому себе, и как много таланта уже истрачено на мишуру пышных славословий! Где взять, где найти его вновь, чтобы спеть свою главную песню, о которой мечтал всю жизнь?

Плоды, что мне нужны,— не рождены,
А те, что налились,— мне не нужны.

Он не спел свою главную песню.

Мы можем лишь догадываться, какой яркой, неукротимой, мудрой, горькой, нежной она могла бы быть, догадываться по тем многим ярким, неукротимым, мудрым, горьким, нежным строкам, которые он все же успел нам оставить.

М. Занд

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МАТЕРИ

О Хакани, тебя питает мать,
Что нитки прять должна и продавать!

Зачем в Ширване тесном ты сидишь
И на страданья матери глядишь?

И ни под чьим не гнешься ты ярмом,
И материнским кормишься трудом.

Ты возле прялки матери, как тень,
Сидишь, унынья полный, целый день.

Ты не птенец, пора тебе взлететь!
До коих пор в гнезде тебе сидеть?

Ты кормишься от материнских крох,
И вся твоя надежда — мать да бог.

Тебя, подобно древнему Исе *,
По матери в округе знают все.

Доколь в лачуге матери сидеть?
Пора, как Хызру *, землю облететь.

**Ты богом одарен. Но почему
Привязан ты к порогу своему?**

**В мир за своей удачею иди
И мать от бремени освободи.**

**Но не забудь ее священных прав,
К далекой цели путь себе избрав.**

**Ты, ради доброй матери своей,
Все притесненья вытерпеть сумей.**

**И наступленья дня того страшись,
Когда и матери иссякнет жизнь.**

О СЕБЕ САМОМ

• • •

Владеть, как я владею, словом другим поэтам не дано.
Создание державы слова судьбою мне поручено.

Открывший чистый дух Марии в тончайшем смысле — это я.
Всевидящий властитель мира высоких мыслей — это я.

Передо мною преклоняет колени Шахтуган * ума.
Невеста гордая достоинств мне руку отдает сама.

В броне блистающей познания я вас бесстрашно в бой зову,
На пир свободный вдохновения вас во дворец я свой зову.

Мои слова как талисманы, по смыслу девственны они,
Но светел дух и светел разум, ты в зеркало его взгляни.

Нанизывающие жемчуг нить занимают у меня,
Певцы, чеканящие бейты *, смысл похищают у меня.

Хассан Сабит *, меня услышав, тоску в душе своей носил.
Был сокрушен моею прозой прославленный Сахбан Ваил *.

Где обронил свою подкову неукротимый мой Бурак *,
Судьба кует из той подковы копьё, чтобы страшился враг.

Своей рукой свивала вечность чалму зеленую мою,
Из шелка вечности одежду себе нетленную я шью.

И пусть как тень я в этом мире. Но ведь поэзия моя,
Как солнце вечное, обходит весь круг огромный бытия.

Одни расспрашивают: «Кто он? Скажите — как зовут его?»
Другие: «Здесь он? Неужели! А как найдем мы тут его?»

Но с той поры как мудрость в мире мне верный указала путь,
Меня ни алчности бесстыдной, ни зависти не досягнушь.

Моя хвала несет усладу, а обличения горчат.
Ну что ж — один идет на вина, другой на уксус виноград.

Властитель слов, оружием слова я небу дал служить обет —
Вот два великих притязанья, как поучал нас Мухаммед.

Просеивают землю страсти мои завистники. А я
Хранитель клада. Как лампада, всегда светла душа моя.

Они — слепцы; чего не видят они, того им не понять:
Не верят красоте и правде, готовы чудо отрицать.

Где красота Юсуфа * блещет, всегда завистников найдешь.
Ведь люди низкие кричали, что слово Мухаммеда — ложь.

К сокровищам индийской тайны проник мой просветленный взор,
А эти недоучки Чина * душой кривее мандрагор.

Их души как котел свинцовый, неведом им живой огонь.
Подобно горлышку кувшина, скупа их узкая ладонь.

К индийской школе их причислить давно пора бы. Ты взгляни:
От «Братьев чистоты» * далеко в неверии ушли они.

Я волей неба стал Юсуфом Египта славы наших дней,
И я жалею этих жалких, и злых, и низменных людей.

Они правы! Увы, со мною приходится им враждовать,
Ведь я для них — Сухейль *, идущий в грехе рожденных убивать.

Из этой вечно полной чаши от жажды капли пьют они,
Со скатерти моей объедки от голода крадут они.

По голове лишь понимают они удары, как слоны,
Они обнажены, как змеи, что кожи старой лишены.

Они — войска становий ада *, и гневно гонит их судьба.
И речь моя их потрясает, как исафилова труба *.

Они везде кричат кичливо, что Хакани, мол, ровня нам,
По щедрости морскую тину уподобляя облакам.

Все тростники по цвету схожи, но разность есть меж ними все ж —
Есть сахарный и есть обычный тростник, пригодный для рогож.

Хоть много этот сброд и спорит о красоте и говорит,
Не вдохновение, а зависть у них в пустых сердцах горит.

Они могуществом хвалятся, кричат: «Мы — море Хакани!»
Да, но без слога «ка» в середине они — презренные «хани» *.

Нет, полно! Не буду отныне себя унижать из-за хлеба!
Я пламенем дух питаю! Довольно страдать из-за хлеба!

И лучше я кровь свою выпью, но к скатерти низких не сяду.
Да, лучше погибнуть, чем в двери презренных стучать из-за хлеба.

Я тигром свободным родился, но пусть назовусь я собакой,
Когда к падишахскому трону приближусь опять из-за хлеба.

И пусть я ослепну и солнца, и звезд, и луны не увижу,
Коль в поисках буду напрасных глаза напрягать из-за хлеба.

Пусть будут глаза мои ртутью, я ртутью залью свои уши,
Чтоб голосу низменных духом вовек не внимать из-за хлеба!

Не надо мне белого хлеба властителей с черной душою.
Я лучше умру, голодая, чем душу терзать из-за хлеба!

Хоть хлеб их и снега белее, но все их слова ядовиты,
Их помыслы низки. Так мне ли их дружбы искать из-за хлеба?

Пастух получает лепешку... Но я эликсиром владею.
Сокровища духа не буду я им продавать из-за хлеба.

Неужто, как мельницу, снова пред низкими рот открывать мне
И шею, как воду в плотине открытой, пред ними сгибать из-за
хлеба?

Ну что ж, если хлеба не будет,— мы живы не хлебом единым.
Ученый мыслитель не будет, как буйвол, мычать из-за хлеба.

Пастьись на пустынных равнинах я стану, подобно джейранам,
Но я к обладателям хлеба не буду взывать из-за хлеба.

Пусть лучше язык мой отсохнет, но хлеба еще не попросит,
Ужель унижение обиды опять испытать из-за хлеба?

Был изгнан Адам из Эдема * за зернышко райской пшеницы.
Достоинство вынужден был я свое потерять из-за хлеба.

Был праотец изгнан из рая. Я заживо ввергнут в геенну.
Без хлеба голодною смертью мне здесь умирать — из-за хлеба.

О боже! Ты знаешь о муках моих и о муках Адама!
Ты сам прогневишь на пшеницу, чтоб нам не страдать из-за хлеба.

И долго ль еще в этом мире рукою бесчестной и низкой
Красу человечества будут терзать, убивать из-за хлеба?

Открой мне, судьба-негодяйка, причину такого гоненья?
Отколь на вратах моей жизни мучений печать из-за хлеба?

Иль ангел довольствия в небе сам вычеркнул «хлеб» в моей доле,
Чтоб тайную промысла волю сумел я понять из-за хлеба?

**Внемли, Хакани! Ведь в конюшне одной — Униженье с Почетом
Так стоит ли на Униженье тебе разъезжать из-за хлеба?**

**О хлебе своем у аллаха проси, сотворенный аллахом!
Тебе ли свое первородство во прахе топтать из-за хлеба!**

ОБ ЭПОХЕ И СОВРЕМЕННОСТИ

• • •

Сломался кончик, вижу я, калама *, счастья моего.
И целый мир моих надежд повис на волоске его.

Любые образы своим пером, художник, пишешь ты,—
В руке художницы-судьбы осуществление мечты.

Но вот испорчен мой калам. И трудно стало мне дышать.
И нечем мне теперь узор моих надежд дорисовать.

В глазах моих сгустилась мгла. Стезя судьбы моей мрачна.
И рано голову мою, как снег, покрыла седина.

Что счастье мира, если все, что нам оно приносит,— прах?
Мгла неизвестности томит меня, как бельма на глазах.

Хоть черен ворон и зрачки, и крылья у него черны,
Но белизпой его глаза с рождения наделены.

Скажи, что за корысть горé от золота внутри у ней?
Ведь это золото ее блестит на поясах царей!

И оттого я исхудал и стал как остов или тень,
Что на глаза моей судьбы докучный затвердел ячмень.

Я горю приношу дары, как будто кость бросаю псу.
Да, горе неотвязный гость! Оно сродни, я знаю, псу.

Где дар всезнанья моего? Неужто свет его убит?
Не любит правдолюбца мир и косо на него глядит.

Но ты, как солнце, научись всю правду мира озарять,
Чтоб искривленными — кривых, прямых — прямыми увидеть.

О чем я ни просил судьбу, глядела искоса она,—
Всегда во всем по праву ей, как Ахриману *, кривизна.

Иль этот прежний борзый конь сегодня — запаленный конь
И глазом в сторону косит он, как ненапоенный конь?

Так что ж косится этот мир и смотрит косо солнце дня,—
Быть может, прежней кривизны черты остались у меня?

Стрелу кладя на тетиву, сельджук прищуривает глаз,
Не для того ли, чтоб стрела в намеченную цель неслась.

А одноглазая судьба, когда замыслит в тишине
Зло миру причинить, тогда умеет видеть все вдвойне.

Правдивый, ты прямым путем идешь, но ведь судьба твоя
Искривлена, как на щите изображенная змея.

Прибрежной ивы ствол кривой главою к небу не растет,
И мокрый голубь под грозой не может продолжать полет.

Охотник — мир, а день и ночь — его собаки. Он вперед
Предначертание свое пускает соколом в полет.

Огромный круг вселенной всей, как дол охот, ему открыт.
Собаки рыщут по земле, а сокол в воздухе парит.

И этот беспощадный ум, как зоркий сокол, окрылен,—
Псы по пятам моим бегут, а в высоте кружится он.

Я — дичь, я — куропатка их. Изражена моя душа.
А этот сокол, эти псы преследуют меня, спеша.

Слабеет сердце у меня, мое дыханье стеснено.
В смятении моя душа, из сил я выбился давно.

Мечтаю о покое я, об отдыхе. Но все — тщета.
Увы, желание мое — недостижимая мечта.

Желание рабов судьбы живет надеждою всегда.
Моя исполнится мечта лишь после Страшного суда.

Желать легко, просить трудней. Ну, а дорогу проложить
К осуществлению надежд — еще труднее, чем просить.

То, что надеемся мы взять от мира,— сам порою он
Без просьбы щедро нам дает, когда бывает опьянен.

Но только лишь проспится он и тяжкий хмель с него сойдет,
Он, чуждый благу, все, что дал, у нас обратно заберет.

Я в школу времени пришел, сел за урок на утре дня.
И чистая доска надежд была под локтем у меня.

Я в этой школе обзрел учащуюся детвору,
Но не нашел ни одного, кто помнит верности суру *.

Да, чистой верности завет забудется в стремнине лет,
Померкнет клятва, и в душе сотрется преданности след.

Моя душа чиста, но мир — он подл и грязен. Как же тут
Остаться чистым, коль вокруг потоки грязные текут?

Подобно бедной Шахрбану *, над рабской участью своей
Мой сетует свободный дух среди расставленных сетей.

И мы не ведаем о том, что эти стоны, может быть,
Способны сжечь саму судьбу и горы ненависти срыть

Когда шумел ночной прибой, дрожала тяжкая скала,
Но рыба в глухоте своей прибою слышать не могла.

Проходит незаметно жизнь. Как четки, день за днем скользят.
Проходят годы. Кончен счет, когда ударит шестьдесят.

Как дождик с желобов, с ресниц поникших капли слез бегут,
Но, словно Каспий, у меня в груди желанья ревут.

Ланиты влажны у меня, слезами затуманен взор,—
Так под лучом весенним снег потоками сбегает с гор.

Нет, золота я не хочу! Кто счастье в кладе золотом
Найти надеется, тот сам становится его рабом.

Кто хочет голову свою богатствами возвысить, тот
Не знает, что в конце концов под тяжким грузом упадет.

Сам погляди: глаза скупца не светятся лучом живым —
Не золотом владеет он, а золото владеет им.

Со дня рожденья до конца, пока в груди пылает жизнь,
Вся жизнь — страданье без конца. Страданье сокращает жизнь.

Да, слепок с мира самого — страданье сущего всего,
Оно настолько велико, что не вмещает мир его.

Мир этот — злобно топчет нас, мы под его ногой — трава;
Все время в пламя наших мук подбрасывает он дрова.

Как буря, пламя мук людских свирепо раздувает он.
Все истребляет он. Леса столетние сжигает он.

Коль радость — строчка в книге дней, то горе — тысяча листов.
Печали много. И о ней рассказывать — не хватит слов.

Был мне, как роза, некий дар ниспослан милостью судьбы.
Был ярко-красным розы цвет, а на стебле остры шипы.

И породила в некий час мою печаль любовь души.
И возросла моя печаль, и высосала кровь души.

Огонь, возникший у корней, пылал с годами все сильней,
И ствол у дерева обьял, и крону пышную ветвей.

Судьба пестра и, как юла, вертится, потешая взгляд.
Она — игрушка лишь в руках семи несмыслящих ребят *.

И нашей жизни караван не защищен в глуши степной,
Когда грабителей толпа выходит ночью на разбой.

Как воры грабят караван, напавши в неурочный час,
Так грабит нашу жизнь судьба и подло убивает нас.

Мои страдания увидав, ходжа * участливо сказал:
«Я вижу, как ты изнурен. В пути далеком ты устал.

Откуда ты? Что ешь, что пьешь?» А я сказал: «Что ем и пью?
Я ем последний свой запас, я поглощаю кровь свою.

Нет у меня другой еды. Да и зачем нужна еда,
Коль проиграл я в жизни все, что не вернется никогда!»

Вновь он спросил: «А ты свои желанья можешь мне открыть?»
Ответил я: «Желаю я свое лишь горе пить и пить».

Что нужно мне? Насушенный хлеб, и друг надежный, и покой.
Я был бы счастлив! Это все, чего желаю я душой.

Покой и собеседник-друг — и был бы счастлив я вполне.
И жил бы я, и умирать тогда б не страшно было мне.

А ведь из камня, знаешь сам, никто не делает котла.
Когда б из камня был котел, не пропуская б он тепла.

Как дикий зверь я стал. Меня такой постиг судьбины гнет,
Что эти травы — пища мне, что хар-ханзал * мне словно мед.

Так что же медлит меч судьбы? Удар его разящий где?
По нем томлюсь я, как онагр *, палимый жаждой по воде.

Хоть и немало видел я ударов сабли на веку —
Но, зная, упитанный баран нужней бывает мяснику.

Известно всем, что глаз дурной пустоголовым не грозит,
Известно также, что слепца болезнь глазная не страшит.

Беспечен неуч, а мудрец в мученьях дни свои ведет,
Но знание не в чести у нас, у нас невежеству почет.

Смотри: скупец богатым стал, а щедрый разорен давно.
Зло века нашего судьбой враждебно порождено.

Все зло и козни наших дней на мудрецов обращены;
Невежды лишь не знают бед; вне зла — пустые болтуны.

Ни на холстипу, ни на бязь вовек не нападает моль.
Шуштерский самый ценный шелк безжалостно съедает моль.

Одежда времени хитро сменилась на моем веку,
Красуется снаружи бязь, подкладка стала на шелку.

Растет в науках муж наук — познания истинного друг.
Но неуч властвует у нас — губитель знаний, враг наук.

Любой земной науки смысл, когда основы он лишен,
Утратит ценность всю свою, бессмыслицею станет он.

У вольных, у небесных птиц душа и сердце в силе крыл.
Когда-то ценность древа гяз * премудрый Заль * определил.

Как прежде Заль самого покинул Сам *, его отец,
Так подлый век наш осквернил святыню чистую сердец.

Но сущность мудрости земной великий дух в себе вместил;
И внешностью пророк Идрис * своей души достоин был.

А мира этого цветник благоухает и пестрит,
Но, подымая роз венцы, шипами острыми язвит.

А за добром таится зло, за даром следует удар,
За мухаррамами * удач несчастий следует сафар *.

Гордись пред низкими людьми, что видел горьких бедствий дни,
Не открывай им дум своих, чело пред ними не клони.

Да, скатерть жизни велика, и много яств различных тут,
Не будь же алчным, о мудрец, поешь лишь от желанных блюд.

За годом улетает год, мгновенно молодость пройдет.
И сеятель придет с серпом, и хлеб созревший уберет.

Портной, что плащ кроил Исе, большой кусок сукна украл,
Оправдываясь, он сказал, мол, это я на память взял.

Слезами нашими, увы, поля надежд орошены,
Но наши стоны, как огонь, спалят врага в полях войны.

От лихорадки исцелить способен сахарный тростник,
Но что ж от лихорадки лев в чашобе тростника поник?

И если от болезни глаз порою слепота грозит,
Пусть больной идет к врачу, едва ли знахарь исцелит.

Увы, вчера я говорил, твердил, что умереть хочу,
Что на желанное одним хоть глазом поглядеть хочу.

Сегодня же услышал я о гибели моих друзей,
И сердце умерло во мне от этих горестных вестей.

Кто, слыша злую весть, умрет, тоской мучительной горя,
Хоть пожалеем мы его, но скажем все ж: «Он умер зря».

Да, да, охотники вот так тюленей убивают, знай!
Плывет к охотникам тюлень, когда они играют в най *.

Меня измучил и сгубил мой путь далекий, мой сафар *.
Добавил точку он над «фа» и превратил мой путь в сакар *.

С тех пор, как на чужбине я, прошел уж целый год почти,
Пристанища не нахожу. И каждый день я вновь в пути.

Не богохульствуй, Хакани, благослови свою судьбу!
И тем утешься, что дано тебе — строптивому рабу!

Да, длинен, очень длинен хвост дракона счастья моего,
В нем правды не было и нет, от века лжива суть его.

А счастье моряка — корабль, бегущий радостно в волнах.
А счастье пахаря в его политой пашне и волах.

О, пусть отныне глаз дурной не медлит на моих стихах
С его продажною судьбой — рабыней с кольцами в ушах!

Ведь счастье — птица, что в саду цветущем дум твоих поет,
А день — дитя, что утру вслед благоуханному идет.

И это счастье — здесь, в твоих стихах, в узорных маснави *.
Вставай, повед, воспрянь душой и миру чудеса яви!

Дается счастья полнота тем, в чьей душе царит покой,
Сосредоточенность и мир, с зеркальной схожие водой.

И вспоминаю я Ширван, и я от горечи далек,
Там вечно светит солнце — шах, чьей славой полон весь Восток.

Но я подумал: «Благо — здесь — в Табриз на склоне дня придя,
Пригоден этот перламутр для капли вешнего дождя».

А я в Ширване жить не мог. Ведь хоть жемчужница сама
Растит свой жемчуг, но она для перла своего — тюрьма.

Хорош прославленный Табриз, жемчужница восточных стран.
И если издали смотреть, хорош и город мой — Ширван.

Не говори, что твой Ширван погряз в нечестии и зле.
Нет, вижу я, он окружен большим почетом на земле.

Не осуждай же свой Ширван! Оттуда жизнь твоя пошла,
Хоть в первых буквах двух его и скрыто основанье зла *.

Не осуждай же свой Ширван, умерь своих насмешек жар —
В начале «шариата» — «шар», в конце «башара» — также «шар».

Ведь было бы грешно винить нам солнца пламенного шар,
Что мы читаем в «шарке» «шар», а в слове «гарб» есть даже «гар».

Но коль начало «гарба» — «гар», за неприличие мы сочли б
Купца заморского, хаджи седого, называть «гариб»?

А разве черный мускус плох, что посылает нам Кашгар? *
Кашгар прославлен на земле, хоть и кончается на «гар»!

Страна рубинов — Бадахшан, хоть начинается на «бад» *,
Она — жемчужница земли, как мудрецы нам говорят.

Начало города Табриз, хоть начинается на «таб» *,
Но не болеют люди здесь, здоровьем здесь никто не слаб.

Ты видел зверя кабаргу? * Его молва «аху» * зовет,
Но этот зверь красив, и он бесценный мускус нам дает.

Друга ищи, если даже в пути смерть ожидает тебя.
Требуя преданности от других, требуй ее от себя.

Чтоб во вселенной друга найти, дальних путей не страшись.
Чтобы бесценный перл отыскать, в бездны морей опустишь.

Если приюта на лоне земном тебе не найдется, ну что ж —
В самой высокой сфере небес место себе ты найдешь.

Жизнь, словно скатерть, ты развернул в этом просторе земном,—
Другу сначала доверься душой, гостя зови потом.

Дьяволами наполнен весь мир. Но в безысходной ночи
Светоч зажги сперва, а потом ты Сулеймана * ищи.

Встань, Хакани! Превозмоги горение ран в груди,—
Прежде чем в мире бальзам отыскать, друга сперва найди.

Яд путешествия выпей, как Хызр, и уходи на Восток.
Там ты найдешь в заповедных горах животворящий поток.

Нет, никогда Градом Добра не будет Шарван-Злоград! *
Области Верности и Добра за гранью Ширвана лежат.

Ты отрекись от прежних друзей, от родственников отрекись
В дальние поиски новой родни, новых друзей устремись.

Помнишь: Юсуфа братья его продали в рабство? * Уйди
И отрекись от братьев своих, новых братьев найди!

Воды Ширвана полны акул, злобою дышит Ширван.
За питьевой чистой водой в дальний иди Хорасан.

Берегом моря иди на восток, прямо в Табаристан.
В Табаристане цветущем найдешь светлый Тарабистан *.

Там исполнеенье желаний твоих, светит Амоль на пути.
В дальнем Гургане ты своего сможешь Юсуфа найти.

И снова в сердце у меня проснулась старая печаль.
Несчастье новое пришло, грудь уязвило мне, как сталь.

Я лихорадкой объят, горю в мучительном огне.
Но чашу яда, не бальзам, судьба моя подносит мне.

Взгляни, как ослабел огонь у догорающей свечи.
Так я сгораю, как свеча, от жгучих слез в моей ночи.

Как искривляется свеча и тает в собственном огне,
Так искривила спину скорбь испепеляющая мне.

Увы, не собран мой посев, жнеца созревший колос ждет.
Но не собрать мне урожай, и пламя смерти все пожрет.

Укоры поздние друзей — нет горшего на свете зла...
А эта весть не из Ганджи, а с родины моей пришла.

Жар лихорадки, что ни ночь, жестоко потрясал Ганджу.
И, разрывая стоном грудь, от лихорадки я дрожу.

Услышав стон мой, муэрзин * сказал: «Беды не миновать!
И, кажется, грозит Гандже землетрясение опять».

Злопамятен горбатый свод, в его природе месть и зло,
Но почему скорбей и слез на долю столько мне пошло?

Вот пролил вновь живую кровь, не зная жалости кипжал,
За зло в награду у него на рукояти блещет лал.

Бьет лихорадка Хакани, он мучится в огне беды,—
Но ведь зато в его словах есть свойство и живой воды.

Богатствами наделены и славой низкие в наш век,
И торжествует на земле во зле погрязший человек.

Да, этот мир — не навсегда, печали наша жизнь полна.
А если в жизни радость есть — то низким выпала она.

Ты, мудрый, удались от них и от пути их отойди!
Здесь лишь презренные идут и низменные впереди.

Достойным людям плохо здесь, достойный бедам обречен.
Жесток несправедливый мир. Всегда таков его закон.

От низких ты не жди добра, добра в их темном сердце нет,
А сделать захотят добро — то причиняют только вред.

Взгляни: открытый взгляд их прям и честен, но душа темна;
И то — их двойственная суть, подобна зеркалу она.

Сокровища в руках невежд, мудрец же голоден и бос,
И скатерть щедрая Исы во власти разъяренных ос.

**Стыдись, имущий власть! Жена, как хочет, волю гнет твою!
Великим низким — господин, диктует волю им свою.**

**Будь весел, смейся, Хакани, веселье в сердце сохрани!
Пусть торжествуют здесь они — ты в день Суда на них взгляни!**

Проходит, в сторону мою богатство не глядит,
Лишь бедность в доме у меня безвыходно гостит.

В тумане прошлое, всех дней я вспомнить не могу,
Не ведаю, что суждено мне встретить на веку.

Зимой дерево мое до срока расцвело:
И мне ни листьев, ни плодов оно не принесло.

Я, как светящийся жучок, взлетел. А в блеске дня
Ни прежнего свеченья нет, ни крыльев у меня.

Мне сердце преградило путь, дух на дороге стал.
А иначе на небесах звездой бы я блистал.

Где ни пойду — судьба с мечом везде мне предстоит,
И гневно смотрит на меня, и казнью мне грозит.

Зачем же с гневной судьбой в напрасный спор вступать?
Нет, был я должен в путь пойти и друга отыскать.

Здесь царство низменных людей, от них я отвращусь,
Уйду, и в радостной иной стране я поселюсь.

Здесь стрелы бедствий на меня летят со всех сторон.
Найду я потаенный кров, спасусь — уединен.

Мой день — как сон. Зато в ночи я не сомкну очей.
Легки и кратки будут сны моих живых ночей.

Я весь в печаль моих ночей душою погружусь.
Я буду ждать. Хоть, может быть, я утра не дождусь.

Как я слышал, удача спит ослиным крепким сном,
Пусть даже так, но не пойду за этим я ослом.

И пусть покроюсь я броней, как твердым льдом вода,
Надежду на победу я утратил навсегда.

Пусть буду я, как небосвод, миллионом глаз гореть,
То и тогда на этот мир я не смогу смотреть.

Зимой, как жарким летним днем, мне тело зной палит.
Я лихорадкой истомлен, от вздохов грудь горит.

Пустая скатерть на столе белеет у меня.
И нет припасов в кладовой. На кухне нет огня.

И утром оседлать коня мне слуги не спешат.
И у соседа в путь коня беру я напрокат.

Нет у меня ни скакуна, ни стойла для него.
И не докличусь я давно нукера * своего.

Соломе стал подобен я, таюсь в углу, как тень,
И на лепешку мне идет размолотый ячмень.

Мне кровля — небо, а постель мне — пол мой земляной,
Мои же слезы — для питья источник вечный мой.

Когда миную я Табриз, в Ахбар пойду скорей.
А из Ахбара налегке отправлюсь в город Рей.

Глядит на Рей и на Табриз небесный Скорпион.
Но я надеюсь, что вреда не причинит мне он.

Как Муштари *, под знаком Рыб раскинул я свой стан
И отдыхать остановлюсь в созвездье Саратан *.

Как море Южное — Ирак. И я в Ирак пойду,
Но я жемчужину мою едва ли там найду.

Как перламутр на берегу, извергнутый волной,
Я потеряю суть свою и блеск утрачу свой.

Что мне иракский перламутр, его цветной наряд?
Меня зубастые его акулы не страшат!

Уединением своим, свободой счастлив я.
Два эти блага наконец дала мне жизнь моя.

Я перлы слов своих к чужим не понесу дверям,
Неверным и бездонным их не вверю я морям.

Я образцом себе возьму летящую звезду.
Ни за одним султаном я и шахом не пойду.

К великим, к власть имущим в дверь не буду я стучать.
Тебе ли, Хакани, от них подачки жалкой ждать!

* * *

Я страданье свое не отдам за бальзам,
За цветенье здоровья его не отдам.

Я обласкан, утешен страданьем моим —
Этот горький бальзам поднесу ли к устам?

На базаре ты радость свою продаешь —
Я за жемчуг страданье свое не продам.

Где душа, что усладою горя живет?
Лишь ее предпочту я счастливым сердцам.

Эту тайну, как пенье свирели своей,
Я на свете ничьим не доверю ушам.

И теперь я — свирель, потерявшая звук,
Только взглядов язык и остался глазам.

Я — свирель, но хочу оставаться немым,
И внимать моей песне и тайне — не вам.

Весь я в небытии, в нем — росток бытия,
И его я в обмен лишь за вечность отдам.

Не отдам я кинжал искупленья скорбей
За фиал, что когда-то пригубливал Джем *.

Яд кинжала я выпью, как чашу услад,
Я его не отдам ни друзьям, ни врагам.

Я чалму променял на чадру, а ее
Не отдам за парчу, что надел бы Адам.

Тот убор, что Бахраму * владыка послал,
За высокий твой шлем не отдам я, Рустам! *

Это рубище скорби на теле моем
Предпочел я узорным стоцветным шелкам.

День один, мне возлюбленной данный моей,
Уступлю ли я миру, щести его дням?

Нет, я больше не стану султану служить,
Свой покой не отдам я обоим мирам!

Как собака из Кахфа * душа Хакани,
И ее не получит презренный Балам *.

Не отдам я бесчестным иголку Исы *,
Не продам я им пряжи льняпой Мариам.

* * *

Когда б в Ширване друг нашелся мне,
Не думал бы я о другой стране.

Когда б в Табризе я покой обрел,
В Армению бы я не перешел.

Когда б собрал трудов моих плоды,
В иные б не стремился я сады.

Хоть ласков был я со своей судьбой,
Она была неласкова со мной.

Мечта меня заветная звала,
Но мне судьба в пути не помогла.

В предел желаний я летел спеша,
Но не нашла желанного душа.

Казалось, я мечты своей достиг,
Но не открыла мне она свой лик.

Я мыслью к звездам, как орел, взмывал
И оба мира я обзирал.

Во мне был мир желаний. Ни одно
Мое желанье не утолено.

Томимый жаждой, я к воде приник;
Но вот иссяк последний мой родник.

Иссох зеленый сад души моей,
А в этом мире нет и нет дождей.

Судьбе покорен, молча я тружусь,
Но, видно, урожая не дождусь.

Плоды, что мне нужны,— не рождены,
А те, что налились,— мне не нужны.

Я глиногубый, земликий, тяжелый, с каменной душой.
Дана мне глиняная чаша с кипящей огненной водой.

Мне золотой не нужно чаши, и ты мне не давай ее,
Налей мне в глиняную чашу, я поцелую край ее.

Из чаши глиняной тяжелой пить буду красное вино,—
Я сам из глины, и не нужно мне в чаше золотой оно.

Глубоководную, как море, подайте чашу для меня!
Мне раковиную Зардушта * в душе не погасить огня.

Друзья мои, я вам откроюсь, мне опостылел этот гнет,
Но всяк из вас меня не даром благожелательным зовет.

Ни раковина не подходит, ни филигранный мне бокал,
Я чаши глиняной возжаждал, свободы духа я взалкал.

Я море выпил, и, как море, душа моя опьянена,
Мне эта маленькая чаша из перламутра не нужна.

Я выпил глиняную чашу, и от корней моих волос
Дыханье роз и базилика, земли дыханье разлилось.

Пусть все вокруг меня сегодня из перламутра будут пить.
Акула я, меня из утлой ракушки их не напоить.

Эй, кравчий, ты джейрап серебристый, ты бык Джамшида * золотой!
Ты кровью зайцев змей Заххака * поить задумал и водой?

Нет, золотой мой бык, пусть пламя тает в чаше, в вине,
Сам погляди — я крепок телом и сердце львиное во мне.

Пусть будет ныне самарийцам * глава золотая отдана,
В моей же чаше — влага Хызра, Мусы * пылает купина.

Как глиняная чаша, были моей рукой возведены
Вот эти, где сижу я гостем, четыре глиняных стены.

Есть у меня сосуд железный, что прежде мне служил всегда,—
Был верен мне сосуд железный в годину бедствий и труда.

Но пить из глиняной широкой я чаши ныне захотел,
Как перстни, глиняных кувшинов на пальцы ушки я надел.

Кто пьет вино — не знает жажды. А я — я чистый жемчуг пью,
И как же мне, друзья, сегодня на жажду сетовать мою?

Но как такую тяжесть горя в душе крылатой мне носить?
Я сколько чаш ни подымаю, все горе мне не облегчить.

И молвил глиняной я чаше и темно-красному вину:
«О если бы вы мне вернули блаженство, мир и тишину!»

Ответьте мне, вино и чаша, откуда вы! Не знаю я.
Чем больше пью я, тем сильнее кипит во мне печаль моя!

«Увы, я прах Парвиза!» * — чаша, заплакав, отвечала мне.
«Увы, я тоже было кровью царя!» — вино сказало мне.

Не удивительно, что душу вино не радует мою,
Коль из парвизовой скудели я кровь живую мира пью.

А я ведь Хакани, но как же таким невеждой мог я стать,
Чтобы в крови царей умерших живую мощь себе искать?

В благоуханной розе мира дыханья преданности нет,
И радости неверной мира мгновенно исчезает след.

Не говори об этом мире! Пусть он, по-твоему, хорош,
В нем двух друзей единокровных и преданных едва ль найдешь.

О преданности пса цепного немало в баснях говорят,
Но в человеке ты отыщешь такую преданность навряд.

А общей дружбы эликсира никто доньше не открыл,
В сокровищнице судеб мира ее и Хызр не находил.

Переноси страданья молча и не надейся на бальзам.
Всех нас одна болезнь погубит, нет от нее лекарства нам.

Никто здесь не достигнет цели, так покорись своей судьбе,
Из четырех стихий подушку для ложа сделай ты себе.

А день и ночь — замки такие, что к ним отмычки не найдешь,
Их, может быть, ключом предсмертных своих страданий отпрешь.

О Хакани, надежд напрасных на дружбу в сердце не таи!
Исы дыханье там не веет, где лишь дыхание змеи.

ТЮРЕМНЫЕ ОДЫ

ВОСХВАЛЕНИЕ РУМИЙСКОГО КЕЙСАРА *. ЖАЛОБА О СВОЕМ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ПРОСЬБА О ПОМОЩИ ДЛЯ СВОЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Как христианское письмо, идет превратно небосвод *
И, словно схимника, меня цепями тяжкими гнетет.

Неужто вечный божий дух над миром горестным угас,
Что этот синий небосвод пошел антихристом на нас?

Страданиями мой стан прямой согбен, как пряжа Мариам,
Но, видишь, как игла Исы, я сердцем пред тобою прям.

Прикован телом я к земле. Я изнемог в ее цепях.
Так скован сам Иса иглой был * на четвертых небесах.

Теперь одежды дней моих, как схи́ма черная, черны.
Я по ночам не знаю сна, мучений дни мои полны.

Мой стон, мой иступленный вопль выламывают крест в окне *,
Экватор и меридиан теперь крестом блистают мне.

Дыханьем жарким мук моих я дно морское иссушил,
Где омовение песком Иса когда-то совершил.

Неблагодарны здесь ко мне отцы святые. И от них
Я отрекаюсь, как Иса отрекся от отцов своих.

Нет пользы мне, что поднялась высоко знания звезда.
Она блистает в небесах, а я в глубокой тьме всегда.

Пусть Кей-Хосрову * подчинен Иран обширный и Туран *,
Что пользы мне, коль брошен я в колодезь ночи, как Бижан? *

Ведь птице глиняной Исы какая польза от него?
Он рядом с солнцем, а она во тьме, не видит ничего.

Но почему-то птицу он свою не хочет исцелить,
Ведь мог прикосновеньем он слепому зренье возвратить.

Мысль — моего таланта дочь — Исе подобна самому,
Когда Марии чистоту пришлось отстаивать ему.

Так чистоту моей души мне словом утвердить дано,
И словно пальма Мариам, теперь дарит плоды оно.

За Хиджры * пять веков певцов, подобных мне, не рождено.
И доказательство мое перед тобою, вот оно!

Я, как из улья, извлеку из сердца, здесь, в тюрьме моей,
Подобное гуденью пчел, стенание моих страстей.

И как в лампаде христиан елеем напоенный лен,
Язык мой будет пламенеть, огнем мольбы моей зажжен.

И, как лампаду христиан, меня подвесят и зажгут,
Под куполом на трех цепях меня высоко вознесут.

Но, как Мария, опустив пред клеветой свои власы,
Я, умирая, слезы лью, горячие, как вздох Исы.

И клеветой моя судьба так тесно здесь окружена,
Как окружили «айн» и «нун» алифы в слове «Ата'на» *.

И помощи я не дождусь от справедливости друзей.
Где справедливость? Нет ее! Не стоит вспоминать о ней!

От ненавистницы-судьбы меня, о боже, сохрани!
Прочь от безбожников! Уйди от них подальше, Хакани!

В беде я помощи себе у Аббасидов * не прошу.
Я в горе милости себе у Сельджукидов * не прошу.

Цари забыли обо мне. Я горькой думой обуян.
И безразличны стали мне Богра и сам Арслан-султан *.

Юсуф меня бы спас в беде, но ведь Юсуфа нет давно.
И мне теперь Вениамин * или Иуда * — все равно!

Но если сердцу мусульман теперь чужда судьба моя,
Не дай, творец, чтобы в беде отрекся от ислама я.

Усвоил веру я из уст семи великих мудрецов,
Я откровенье понимать учился у семи чтецов.

Я — за главой глава — вникал умом в божественный Коран,
И затвердил я каждый стих, что миру откровеньем дан.

Весь путь пройдя к святым местам, я хаджа выполнил обряд.
И что положено читать, я наизусть читал подряд.

Но после стольких сороков моих постов за тридцать лет
Пятидесятидневный я могу ль теперь принять обет?

Хоть каждый вздох мой клевета проворно подхватить спешит,
Хоть куча целая иуд, шишя, вокруг меня кишит,

Сам осудил бы ты меня, когда бы от беды теперь
В обитель Вознесенья вдруг к монахам постучал я в дверь.

Как я о помощи могу у врат неверия взывать?
Должны на истинной стезе мы высшего вождя искать.

Абхазии * открыты мне гостеприимные врата,
И в Византии для меня есть заповедные места.

Но как же от Каабы * я высокочтимой отрекусь?
Как к Иерусалиму я, к святыне новой, обращусь?

Ты знаешь сам: полвека я ислама верным был рабом;
Неужто мне теперь еще согнуться надо под крестом?

Пойду ль, насилем гоним, к неведомым колоколам
И на служенье повяжусь иным таинственным словам?

Или сирийский буду толк я на Евангелье писать,
Иль арамейского письма загадки буду раскрывать?

В Начармагеви * обрету или в Мухрани * я приют?
Багратионы * ль у себя мне обиталище дадут?

И черной схимой плечи мне с протяжным пеньем облачат,
И в мрачной глубине пещер меня отшельником узрят.

И вместо садрейнхара * я во власяницу облачусь,
И вместо шелковых ковров для ложа камнем обойдусь.

Я с шеи ладанку сниму; и, прочь уйдя из этих мест,
Чтобы избыть свою беду, надену я на шею крест.

Когда ж в Абхазии себе не обрету защиты я,
То в Византию напрямик оттоль ведет тропа моя.

В соборе византийском там я школу новую создам.
И вскоре новые давать я предписанья буду вам.

Я променяю на клубук свою чалму и тайласан *,
Как променял когда-то их сын водоноса шейх Санан *.

Я спор глубокий поведу о духе, сыне и отце,
И будет мне таврасикос * внимать в сияющем венце.

И всех, которые ведут о троице столь долгий спор,
Из кладезя сомнений я на светлый выведу простор.

Меня признает патриарх. Я буду славой осиян
Превыше яковитов * всех, мелькитов * и несториан *.

Открою тайну божества в единосущии его —
И человечность, и его земную суть и естество.

Когда столь сведущий, как я, о боге говорить начнет,
Ко мне толпою потечет познания жаждающий народ.

И Птолomeем я вторым там назовусь. И будет дан
Мне пояс и верховный жезл католикоса христиан.

И я глубокий напишу о лицах троицы трактат
И на базар, на третий день, пошлю читать его в Багдад.

В Константинополь повезут елей и мирру слов моих.
И знаю я, что хватит их для мертвых и для всех живых.

И к людям я приду тогда и в руки жезл Мусы возьму,
И, чудо первое творя, я вид креста придам ему.

Возму помет осла Исы и князя церкви исцелю,
Кровотечение у него из носа я остановлю.

Возму узду того осла, свяжу ее, с концом конец,
И в Самарканд и Бухару пошлю султану, как венец.

Копыто этого осла велю я золотом оковать,
Осыплю лалами его, слезами буду обливать.

Трем лицам бога, трем его неизъяснимым естествам,
Понятное везде и всем я вкратце толкованье дам.

Я дуновение объясню, и омовение, и пост,
Когда к Марии дух сходил с престола лучезарных звезд.

Я объясню, что на ларце она печать еще несла,
Когда животворящий перл на белый свет произвела.

И что сказал, родясь, Иса о вечной тайне и кресте,
Когда постилась дева-мать, внимая черной клевете.

Как он из глины птиц лепил и их дыханьем оживил.
Как Лазаря из мертвых он единым словом воскресил.

Какой он смысл вложил в слова неясные: «Иду к отцу!»,
Когда страдания его земные близились к концу.

Когда ж кейсар захочет суть Зардушта ведать, то ему
Из тьмы забвения глухой я Зенд-Авесту * подыму.

И объясню я смысл огня, открою, что такое Зенд,
И всей Авесты древней суть, и как произошел «Пазенд» *.

И что за искра от огня того еще осталась нам,
Что некогда зажег Нимруд *, куда был ввергнут Авраам.

Мобедов * тайны взвешу я на верных истины весах,
На тех весах, что сын Луки Коста * держал в своих руках.

Зачем летает саранча в парче? А также — почему
Почтенной мухе надевать на голову пришлось чалму?

Так для кейсара много я томов ученых напишу.
Я в знаниях превзойду Мани * и мудрого Танкалушу *.

Опомнись! Болтовню прерви, не богохульствуй, Хакани!
Внушаемую сатаной от сердца ересь отгони!

Что мыслил враг против Исы, отдавший душу серебру,
И что вазир злоумышлял, предавший некогда Дару? *

Довольно нечестивых слов! Вернись. На истинном пути
Пади и повторай в слезах: «О всеблагой аллах, прости!»

Скажи: «Я верю! Бог один, и в мире нет иных богов,
И разуменья моего превыше он, превыше слов!»

Что в Византию мне бежать? Звезда моих мечтаний здесь,
Надежда на свободу здесь! Ты, государь, в Ширване, здесь!

Десница чистая Исы и свет его учеников,
Посланец девы всеблагой, защита христиан и кров.

Порфирородный! На тебе небес почует благодать!
Добросердечный! Я тебя, ей-богу, буду заклинать

Дыханьем вечным божества, что в духе явлено святом,
Евангелием — книгой книг, апостолами и Христом;

Святыми яслями его, пречистой девою над ним,
Десницею, и рукавом, и дуновением живым;

Священным градом и горой, где казнь прияло божество,
Деяньями учеников и всех апостолов его;

Лампадой, поясом, хвалою кадильниц и колоколов,
И откровеньем, что земле поведал древле богослов;

Страстями господа Христа, пасхальной утреней златой,
Постом великим и постом Марии, девы пресвятой;

И непорочностью ее зачатия от божества,
И ангелом, что произнес благовестящие слова;

Корнями дерева того — его ветвями и листвою,—
На коем духом порожден был во вселенной плод живой;

И тиром * месяцем (идет с Нейсаном он во дни одни),
И той смоковницей сухой, что оживает в эти дни;

И покаянною мольбой суровых иноков святых,
И звоном тягостных вериг на изнуренных членах их.

Тригональным я молю аспектом солнца и планет
И квадратурой дня того, где светит первозданный свет.

Тригональным я молю аспектом, где Бурджис * горит,
И квадратурою креста, что розою ветров раскрыт,—

Склони даря, чтобы предел он мукам положил моим,
Чтоб я пошел и наконец увидел Иерусалим!

Пока, сияя высоко на небосводе голубом,
Экватор и меридиан пересекаются крестом,

Надеюсь — снизойдет Иса и, Хакани простиив грехи,
Переберет в руках мои, как четки звездные, стихи.

О ЗАТОЧЕНИИ

Был Хакани с родными разлучен
И в дом с одною дверью заключен.

Но в этой яме жить ему нельзя,
И выйти из нее не может он.

Он, как паук, сидит в своем углу,
Как муравей за камнем затаен.

Замок снаружи и суровый страж.
И узник в безнадежность погружен.

Он проливает слезы, как Джейхун *,
Он самаркандским вздохом опален.

Отсюда выход только в небеса,
Глухие стены с четырех сторон.

На воле связан был его язык,
А здесь он сердцем к богу устремлен.

**Но все ж, покамест он томится здесь,
Он от толпы презренных удален.**

**Не думай о блаженстве, Хакани!
Ты и надежд на радости лишен.**

ЖАЛОБА О ЗАКЛЮЧЕНИИ В ЦЕПИ

Как с телом душа, разлучилась отрада со мной.
И тут же со мной разлучился сердечный покой.

Едва примиренья дыханье повеяло нам,
Опять улетело оно, уступая врагам.

Со мной моя тень оставалась. Но в горестный день
Ушла от меня и последняя спутница — тень.

Просторный и светлый мой дом обернулся тюрьмой;
Ее потолок подо мной, а порог надо мной.

Безмолвно я слезы глотал в обиталище тьмы.
И сырость, как слезы, струились по стенам тюрьмы.

И слезы мои застывали, как влага в мороз.
У ног моих стыло соленое озеро слез.

Судьба, как стрелок, на прицел мое сердце взяла.
И сердце мое, пронизав, растерзала стрела.

И стоны мои, словно стрелы, до неба взвились,
И кровью зардела пронзенная стонами высь.

Тяжелою скорбью наполнилось сердце мое,
Как будто бы сердце — извечное место ее.

Но птица сегодня меня разбудила во сне,
От доброго друга письмо принесла она мне.

На цепи мои она горестный бросила взгляд,
И гневно взвилась, и поспешно помчалась назад.

Не мог я подняться пред гостьей моей дорогой —
Дракон обвивал мои ноги железной горой.

Колодки и цепь, как гора, у меня на ногах.
К кольцу я прикован, и руки мои в кандалах.

О, если б тяжелою цепью не скован я был,
Как вольная птица, я в мир бы полет устремил!

Но я неподвижен. Заххака змея на ногах.
И долу поникли ресницы мои в жемчугах.

Здесь ноги опутали змеи огромные мне,
И я, словно угорь, на медленном корчусь огне.

И, словно танур * пламенеющий, полный углей,
Дыханье, как пламя, пылает в гортани моей.

Явился тюремщик (добра ему в жизни не знать),
И раны души моей кровь источают опять.

Приставлен ко мне надзирателем бешеный пес,
И сна я не знаю средь вечных мучений и слез.

Как влаги боится укушенный бешеным псом,
Так слез я боюсь. И не в силах забыться я сном.

Горячие слезы мои замерзают в жару,
И весь я дрожу, как листва на холодном ветру.

Как зерна граната, кровавые слезы мои.
Кровавые слезы ночами я лью в забытьи.

Забит я в железо, подобно строптивым рабам,
И кровь по лодыжкам струится, как по желобам.

От тяжких оков я такие мученья терплю,
Что в лязге железа я голос пощады ловлю.

Когда с меня стали железные цепи снимать,
От боли жестокой я начал вопить и стонать.

Как пряжа червя шелковичного, слабым я стал.
От уз разрешенный, я на ноги даже не встал.

Ланиты мои, словно стены темницы моей,
Утратили краски и стали шафрана желтей.

Кровавые волны души моей бьют в небосвод —
И млечная арка багряным сияньем цветет.

Я, как соловей, среди черных колючек поник,
Навеки утратил надежду на этот цветник.

Какую мне пользу рыданья мои принесут,
Когда справедливости розы давно не цветут?

Так долго я кровью своею питался в беде,—
Могу ли помыслить теперь о питье и еде?

Что думать о теле, коль гаснет души моей свет?
Что думать о доме, коль в доме хозяина нет?

Таскавшие глину для стройки в могилу ушли;
Дома, что они воздвигали, в руинах легли.

Портновскую лавку бушующий силь * захлестнул;
И лавку умчала река, и портной утонул.

Похожа, судьба, на базарного ты мясника,
Чей нож окровавлен от кончика до черенка.

Налево — весы, а направо — ягнята стоят.
Берет он упитанных, тощих. И режет подряд.

Всем низменным жирная часть доставалась легко,
А мне среди них и до части худой далеко.

Утрачена совесть. Ни страх им неведом, ни стыд.
Падеж на скотину напал, а пастух не скорбит.

Ушел караван на рассвете в далекий Китай,—
Его возвращения скорого не ожидай!

Был молнией в пепел туркменский верблюд превращен;
А что же туркмен? От налога избавился он!

Я счастья искал, не смыкал я в ночи своих вежд...
Нет верности в мире. И рухнуло зданье надежд.

В душе — сожаление яростней горной реки.
Увидел я: даже великие люди мелки.

Судьба на меня налетела в свирепой вражде —
И самыми близкими был я покинут в беде.

Ты помнишь — ведь то же с Юсуфом случилось, когда
От зависти вспыхнула в сердце у братьев вражда.

Мое однодневное горе, как море, полно.
И вижу — меня никогда не покинет оно.

Под грозным дыханием неба, вдали от земли,
Бегущие к гавани тонут в волнах корабли.

Для низких и слабых небесная буря страшна,
Но души великие лишь возвышает она.

Я духом не пал. Я исполнен отваги и сил.
Я знаю — владыка вселенной меня не забыл.

Умрет Хакани, но предвечный за ним предстоит,
За гибель мою он владыкам земным отомстит!

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

Моя дальновидная поворожденная дочь,
Увидев, что мир этот место плохое,— ушла.

Она поняла, что несчастья еще впереди,
От низких душою, от злобного роя ушла.

Она увидала, что в мире пороков и тьмы
Изноет, измучится сердце живое,— ушла.

Увидев, что беден мой дом и что я ей не рад,
Она в неизвестность, дитя дорогое,— ушла.

Увидев сестру свою старшую в черной чадре,
Подумав: «О, боже, мученье какое!..» — ушла.

НА СМЕРТЬ СЫНА РАШИД АД-ДИНА

Как светлое солнце, был сын у меня —
Его я утратил и похоронил.

Горюя о сыне, жена умерла.
И дом опустел и без них мне постыл.

И замуж я отдал красавицу дочь,
Светилу Симаку * родную вручил.

И зятю сказал я: «Храни, дорогой,
Ту, что я сокровища пуще хранил!»

Остался со мной лишь Абдулмаджид,
Его я аллаху теперь поручил.

Защиты не даст ему злобный Ширван,
Лишь бог бы его покровителем был.

О мой учитель! Как сокращают, взгляни,
Счет нашей жизни двуличные ночи и дни!

Мир-кровопийца, что выделил ты для меня,
Кроме коварной линии ночи и дня?

Скатерть нам стелет с отравленной пищею твердь.
Жизнь — это сон, а его толкование — смерть.

О Хакани, ты все плачешь о сыне своем —
Скоро ли выплачешь ты этих слез водоем?

Стонешь, как Нух *, и слезы ты льешь, как Давуд *.
Слезы твои Юсуфа тебе не вернут.

Помнишь ли дни, когда сын появился в дому?
Жизнь свою отдал ты сыну тогда своему.

Сына отнять у тебя захотелось судьбе.
Жизнь его взяв, она годы продлила тебе.

Рано он умер, а ты все живешь и скрипишь...
Ты в барыше, но какой это жалкий барыш!

НА СМЕРТЬ ДЯДИ ВАХИД АД-ДИНА

Вахид ад-дин, ты философом мира, ученым истинным был.
Светлые двери премудрости неба ты для живущих открыл.

Дух твой на место свое возвратился. Сердце, не плачь и смирись!
Жил ты средь нас, но слышал ты с неба голос, зовущий: «Вернись!»

Перл драгоценный моря земного, новой ты вверен судьбе,—
Ты ухватился руками за пояс, сброшенный с неба тебе.

Ты составитель чудесных бальзамов, в мире прославлен земном.
Древнее небо своим тебя, видно, сделать решило врачом.

И, возвратясь на высокое небо, в райском гуляя саду,
Вылечил ты от злой лихорадки трепетную звезду.

Семь лучезарных гурий небесных, в радужный кутаясь цвет,
Перед тобой колени склонили, поцеловали твой след.

Полон печали твой дом опустелый; литься и литься слезам.
Был ты для нас как Иса благодатный, как прародитель Адам.

Пятница грозная, молнией грянув, жизнь мудреца отняла,
Пятница некогда также великий в мире потоп начала.

О Хакани! Над могилою дяди слезы кровавые лей,
Был он тебе как отец и дороже близких, родных и друзей.

НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Словно солнце, угасла твоя красота.
Без любви твоей жизнь моя стала пуста.

Я свиданья с тобой никогда не дождусь
И от радостей мира навек отрекусь.

Твои ласки мне были живою водой.
Без тебя я объят безысходной бедой.

Твоим веяньем смутным я все еще жив,
Нерассеянным благоуханьем счастлив.

О, еще мне свой вздох издалека пошли!
Нет иной мне отрады в пустыне земли.

И пока суждено еще здесь мне дышать,
Только ты будешь в сердце моем обитать.

Пред глазами твой образ витает во сне,
И твой голос живой еще слышится мне.

Кипариса лишился прекрасного сад,
Цветники почернели, не радуют взгляд.

Завтра вновь без тебя это солнце взойдет,
Но не греет мне душу оно, а гнетет.

Нива радости летней жарой спалена,
И ни колоса больше не даст мне она.

Снова в зеркале сердца я вижу твой лик,
Был бы образ иной в нем и странен и дик.

Мне душа твоя — зеркало издалека,
Как текущая за облаками река.

За тобою стремлюсь я в иные поля,
Без тебя нестерпима мне стала земля.

Что мне бури вселенной и бешенство гроз
В буре этой разлуки и горя и слез?

И когда погружаюсь я в душу свою,
Лишь тебя нахожу в ней, тебя узнаю.

О, пока суждено мне, пока я живу —
Не оставь меня! Душу твою я зову.

Ты сказала: «Ты можешь еще полюбить...»
Но ты знаешь, не может ведь этого быть.

Без тебя утешенье немислимо мне,
Не найду я его ни в мечте, ни во сне.

**Ты о сердце не спрашивай у Хакани,—
В нем одни сожаления, скорби одни.**

**Испытать это горе — не только друзьям,
Нет, не дай его бог испытать и врагам.**

**На табризской земле, среди чуждых людей,
Нет святыни мне, кроме могилы твоей.**

РАЗВАЛИНЫ МЕДАИНА *

Мой дух, глазами размышлений на преходящий мир взирай,
В глухих руинах Медаина судьбу, как в зеркале, читай!

Хоть раз отправься через Диджлу * в забытый город Медаин
И слез пролей вторую Диджлу среди таинственных руин.

Смотри, как кровь, струится Диджла в размытых знойных берегах.
Она рыдает, но не слезы, а пламя на ее волнах.

Смотри, как вздулись воды Диджлы. Кипящий вал бежит, спеша,
Бушует, пенится, как будто в стеновьях мучится душа.

Какая скорбь, какое пламя в ее бушующей волне!
Слышал ли прежде ты, что реки сгорают в медленном огне?

Несет веками Диджла в море неиссякаемую мощь.
Отдай ей дань свою и слезы над ней свои пролей, как дождь.

И если будут вздохи скорби и искренни и глубоки,
То полреки во льду застынет и лавой хлынет полреки.

В цепях тяжелых бьется Диджла и вьется тяжело, как цепь,
Едва громаду Медаина ей на рассвете явит степь.

Пусть помыслы твои в ту пору к стенам развалин воззовут
И словно тайное руины душе твоей произнесут.

Зубчатые твердыни башен — с времен древнейших до конца —
Тебе свою расскажут повесть и повесть каждого зубца.

И молвят: «Ты из глины создан, и глиной бедной стали мы,
А некогда богатством, мощью и красотой блистали мы.

Боль вызывает головную у нас ночной совиный вой.
Избавь нас розовой водою очей от боли головной!

Рыдающие песни смолкли в саду увядшем бытня.
Сова преследует и гонит певца ночного — соловья.

Нас воздвигала справедливость, и нас разрушил грозный гнет.
Смотри — вот так дворцы тиранов круженье времени сотрет!»

Кем этих гордых стен и башен была разрушена краса?
Их небо стерло или сила, вращающая небеса?

Смеетесь вы: «О чем горюешь? Оплакиваешь чей порог?»
Но кто не плакал в Медаине, тот сердцем низок и убог.

Куфу * не выше Медаина мирская слава вознесет,
И эти гордые руины танур Куфы не превзойдет.

Куфы и Медаина стены равны пред гневом вечных гроз,
Пылающий танур печали ты не зальешь и бурей слез.

О Медан, как много ликов хранит скрижаль твоих камней!
Идут по стенам вереницы безмолвных, каменных царей.

Ведь это тот дворец, где годы царь Вавилона был рабом,
И царь Турана униженным слугой склонял колени в нем.

На льва небесного когда-то отсюда, раскрывая зев,
Вот этот нападал крылатый, из камня высеченный лев.

Представь, что ворота все те же, дворцы и площади все те ж,
Но пусты лестницы и входы... Где ж те владыки, люди где ж?

Сойди с коня, земли священной коснись и внемли: тишина..
Нуман * был шахом, но однажды мат получил он от слона.

И сам Нуман царей вселенной давил пятой слонов своих.
И, как слоны его, донныне века теснят и гонят их.

И все цари, что посылали своих слонов покорных в бой,
Все безвозвратно проиграли, играя в шахматы с судьбой.

Из чаши черепа Ормузда * кровь Нуширвана допьяна
Не здесь ли вот, на смертном пире, пила земля взамен вина?

На древних золотых коронах реченья мудрые вились,
Прочти сегодня мысли эти и в смысл их вещей углубись.

Хосров Парвиз, его величье, пиры и кубок золотой
Давно исчезли и забыты, давно засыпаны землей.

Свой стол плодами золотыми Парвиз когда-то украшал —
И пиршественный стол, как солнце, златыми гроздьями блистал.

О золоте не говори мне, да и Парвиза нет давно.
Скажи, как мудрым подобает: «Пришло, ушло, истреблено!»

Где все они? Ушли бесследно, удел всеобщий разделя.
Владык и шахов поглотила их породившая земля.

Земля беременная поздно свой лучший порождает плод.
Таков закон: рождает в муках жена, что рано понесет.

Лоза, обильная кистями, в себя впитала кровь Ширин *.
И не из праха ли Парвиза вот этот глиняный кувшин?

Земля равно владык вселенной и нищих тащит на обед.
Вседневно за столом ужасным пирует жадный людоед.

И кровь детей ее, как пурпур, цветет на сморщенных щеках.
О, эта ведьма с черной грудью, в косматых белых седирах!

Ты, Хакани, навек запомни, что на развалинах прочел,
Чтобы хакан * к твоей лачуге за поучением пришел.

Дервиш у шахского порога сегодня жалкой доли ждет.
А в некий день — султан к дервишу за подаванием придет.

Дар благодатный светлой Меккой всем городам вселенной дан.
Ты, Хакани, от Медаина дар унеси с собой в Ширван.

Несет из глины Джамра * четки паломнический караван.
Ты четки унесешь оттуда, где в глину превращен Сальман *.

Омойся в этом чистом море, склонись воды его испить.
Грешно уйти от побережья и жажду здесь не утолить.

Кто побывал в далеких странах — дары друзьям несет домой.
Так пусть друзьям твоим подарком дастан * звенящий будет твой.

И пусть, как перлы четок, звуком и блеском истинной красы
Порадует их дар безумца и мудреца с душой Исы.

ЗЕРКАЛО ДУШИ *

Душа — суровый мой учитель, а я — покорный ученик,
Тетрадь держу я на колене, с каламом я над ней поник.

Не каждое колено — школа, чтобы над ним сгибать свой стан,
И жемчуг есть не в каждом море, не каждый дождь весной —
пейсан

Подобна древнему ковчегу познания школа. И шумят
Вокруг него просторы моря, а там за морем — Арарат.

Кому в суровой этой школе познания строгие даны,
Тому гора Джуди * по пояс, потопа волны не страшны.

Но тот не выдержит ученья и свой не выполнит обет,
В ком четырех бессмертных гурий * дыхания и света нет.

И светел духом тот, кто сделал колено школою своей.
Он видит ложь и скрытность низких, читает помыслы людей.

Кто неустанно и упорно уроки у души берет,
Тот рядом с низкими не сядет, на их беседу не придет.

Те, кто за полу Хызра мысли возьмутся,— будут впереди,
У них Мусы увидишь руку и воду Хызра на груди.

Источники познания мира — в устах великой тишины;
Иные все — недостоверны, и выводы их не ясны.

Когда я на доске молчанья познания азбуку учил,
Я от словесного недуга свой дух молчанием лечил.

И был сперва я безъязычен и, как немой тростник, молчал.
И только позже я, с годами, струной барбата * зазвучал.

Тростник был нем, но для меня он дыханьем животворным стал,
Чтоб я дыхание веленья его, как флейту, услышал.

И он меня расплавил в тигле внушенья до первооснов.
Во мне сгорел обмана дьявол и человек — дитя грехов.

Когда бы все, что мне шептал он, я, записав, сложил в дастан,
Весь мир бы свитками покрылся до грани, где стоит Кейван *.

На высохших моих ланитах слезами красными, как лал,
Всех отвлеченностей алфавит я, как в тетради, начертал.

Когда ж глубокие начала усвоил я небытия,
Живые бытия загадки забыл с пренебреженьем я.

И понял я, что я — невежда, каким до школы этой был,
И все, что изучал годами, забвения водою смыл.

Свое невежество познал я, когда, казалось, все постиг.
Где есть еще такой наставник? Где есть подобный ученик?

Так попугай, когда внезапно он в зеркале был отражен,
Остановился в изумленье, своим обликом смущен.

Всю жизнь учась, не перешел я еще от азбуки к слограм.
Когда диван * читать сумею — пока еще не знаю сам.

Еще покамест, как с ребенком, со мной играет разум мой.
Как видно, этот желтый купол его пленил своей игрой.

Я, как на детскую игрушку, гляжу на сей круговорот.
Земля — я вижу — неподвижна, кружится вечно небосвод.

День завершает представленье, чтоб завтра продолжать игру.
Стихает шум. Дела дневные к концу приходят ввечеру.

Я в талисмানে вдохновенье свое, как джинна, заточил
И заживо, Мусе подобно, его в гробницу заключил.

Ум рвется на простор прозренья.. Вот так бы должен, может быть,
Перед войсками фараона пророк когда-то проходить.

Моей душою верховодить хотела дерзко страсть моя.
Но укротил ее сурово, связал ей крепко руки я,

Чтоб не осой была бесплодной, терзаемая страстью злой,
Душа моя в цветенье мира,— а медоносною пчелой.

И похоть жадная хотела меня коварно сбить с пути,
И я, ее изведав низость, решил ей голову снести.

И тело похоти казненной меж четырех я стен зарыл,
Прочел отходную, и кровью ее могилу я залил.

Обычай старый есть: убитых могилы кровью заливать.
Крепка на вражеской могиле нерасторжимая печать.

И кто разрыть могилу эту посмеет дерзкою рукой?
Грозный месяц шарната * над ней дозор несет ночной.

А если из могилы этой колючки густо прорастут,
Благослови их — на колючках живые розы расцветут.

Святыня Зенд-Авесты — солнце. Вращаясь, ходят небеса
У ног его, а на коленях его покоится Иса.

Дервиш, ты должен быть, как солнце, свободен, светел, всемогущ.
Как солнце, будь царем вселенной, но будь, как солнце, неимуш.

В своих владеньях необъятных дервиш как древле Сулейман.
К нему взывают: «О владыка!» — и раб несчастный и султан.

Душа и мир, как два кумира, пред ним склоняются во прах,
А во дворе нужду и жадность, как псов, он держит на цепях.

Он опьянен блаженством мира, увенчан солнцем, как венцом,
И для него как скатерть мира вселенная, а вечность — дом.

Живая мысль и вдохновенье ведут его богатствам счет,
А шарнат и свет прозренья — два стража у его ворот.

Он на крови, как царь Лахора, себе не воздвигал дворца.
Он, как хакан, из черной злобы себе не создавал венца.

Нет, он на кухню трон Чипала * для поварского служки сдал,
Подкову из венца хакана * коню свободы он сковал.

И если на коне свободы он выезжает на майдан,
Мечту свою, как мяч, он гонит. А разум у него — чоуган *.

О клетчатый, подобно улью, дворец дервиша! Посмотри —
Хоть он снаружи пуст и беден, но полон и богат внутри.

Он не паук, судьба на скатерть не мертвых мух ему несет.
В блистающих прозрачных сотах бесценный запечатан мед.

Пуста внутри морская рыба, хоть чешуей златой горит.
Обнажена душа дервиша, но жемчуга в себе таит.

Я к шаху милости смиренно пришел с поклоном на порог.
И он сказал слуге богатства: «Введите гостя в наш чертог!»

И чашу дружбы и веселья мне протянул хозяин мой,
Сам Хызр наполнил эту чашу живою, чистою водой.

Кто очутился в этом доме, тот не уйдет уж никогда,—
Вкушающему яства жизни другая не нужна еда.

Меня позвал Иса на праздник, и в сердце праздник у меня.
Что чудо светлое Джамшида пред светом вечного огня?

И мне душа сказала: «Бедность — твой мир, исполненный щедрот.
Кто хлеб и мир вкусил в Египте * — в Кanaan * голодный не пойдет.

Здесь твой халат тебе постелью и одеялом ночью стал,
Здесь место своего ночлега ресницами ты подметал.

Коня твоей короткой жизни на небо ночью увели,
Пустое стойло здесь, чего же ты ждешь от пастибца земли?

Здесь не найдешь мешка пшеницы — ведь время все дотла сожгло.
Ты хлеба не найдешь — пекарню речным разливом унесло.

Я не нашел зерна пшеницы, ток обойдя из края в край.
Мир оскудел. Пройди же мимо и хлеб его не покупай.

Не безразлично ль, как безумцу судьба чалму его свила?
Чтоб завладеть вьюком, грабитель с вьюком уводит и осла.

А узкоглазая удача, чтобы прогнать своих гостей,
Двух яростных собак двухцветных * спустила с кованных цепей.

Иль не боишься ты собаки двухцветной и ее клыков?
Ведь эти зубы растерзали и до тебя немало львов.

На небо не гляди — два хлеба* лежат на скатерти его,
Тебе же от хлебов небесных не достается ничего.

И не гляди на крошки, ночью осыпавшие небеса,
То крошки хлеба из запаса, что некогда принес Иса.

Над жадностью своей последний намаз*, о мудрый, соверши
И посмотри на мир безводный, в нем чистой не найдешь души.

Здесь даже радость омовенья землею чистой не дана;
Подумай сам, ведь кровью мертвых вся эта степь напоена.

Гляди: презренные обжоры, как розы, в шелк облачены.
Они чисты, как жемчуг, внешне, внутри же нечисти полны.

Пусть шах устраивает праздник, но это пир для жадных псов.
Ты — гордый лев, постись сурово, уйди от блеска их пиров.

Сосед возьмет котел твой чистым, в грязи и в сале возвратит;
И он себя считает правым. Увы, ему не ведом стыд!

Ты столько виноградной крови и столько крови тварей пьешь,
Ты сам сосуд свой загрязняешь. Когда же это ты поймешь?

Скажи султану: «Ты пируешь, презренной окружен толпой!
Хвостом виляя, ждет подачи собака — сотрапезник твой».

Змея дряхлеющую кожу не раз меняет в дни свои,
А ты томишься в старой шкуре, хотя не ниже ты змеи.

На дива, что тобой владеет, ты взором мужества взгляни,
Свяжи его и на работу пошли иль вовсе прогони.

К неувядающему саду, дух совершенствуя, иди.
Из тела действенное чувство, как из тюрьмы, освободи.

Коль из похода шах вернулся, а друг его сидит в тюрьме,
Неужто пировать он сядет, забыв его в цепях, во тьме?

Иди от низменного мира, в иной, высокий мир спеша,
Но помни — выше их обоих твое сокровище — душа.

Что означают оба мира? Не две ли чаши на весах?
И женщина, а не мужчина дом созидает в двух мирах.

В созвездии Весов весною звезда Нахид * свой ставит стан,
И никогда не достигает созвездия Весов Кейван.

Ты у подножия Кейвана венцом созвездий облекись,
А на земле от золотого венца султана отречись.

Нельзя желающего власти назвать дервишем и святым.
Что для дервиша власть? И нищий и падишах равны пред ним.

Ведь сам дервиш, средь чистых сердцем, величьем шахским наделен.
Земля из-под ноги дервиша превыше золотых корон.

Султаном всех дервишей мира был наречен Ахмад Мурсал *,
В главе Корана «Нун ва-л-Калам» * святой аллах о том сказал.

Коль ты дервиш — служи бездомным; как солнце, бедным будь
оплот.

Ведь солнце наго, но как щедро оно богатство раздает.

Будь щедрым, и твоих деяний везде окажутся следы,
Как в пору осени отрадной в садах созревшие плоды.

Но, делая благодеянья, взамен не требуй ничего.
Ты не торгаш; давая богу, не требуй прибыли с него.

Не обижайся, что не видишь добра от тех, чья жизнь во зле,
И помни, что змея вовеки не уподобится пчеле.

Обманы мира скрыты блеском и одеянием цветным —
Не предавайся обольщеньям и утешениям земным.

Одежды мира многолики, таинственно значенье их,
Лишь прозорливые душою догадываются о них.

От всех влюбленных в мир, о мудрый, уйди сурово навсегда!
Сердца возлюбленных жестоки, душа возлюбленных тверда.

Прожив одну неделю в счастье, не обольщайся, не гордись,
Через неделю в недостатки луны блестящей ты взглядишь.

Любуйся блеском листьев ивы, когда весной блестит нейсан.
Но как наряд ее поблекнет зимой, когда дохнет абан! *

Так не ищи на свете счастья, дороги счастья не верны,
Лишь до созвездья Рака длится и счастье молодой луны.

Обманчивой тропой в пропасть уводит счастье жизнь твою,
Стремись же сердцем к совершенству и к истинному бытию.

Страшись, тиран, в своем чертоге! Ты слышишь стоны жертв твоих!
Тебя от них не скроют стены! Смертельны стрелы стонов их!

Страшись обиженных! Бессонно в ночи река их слез течет.
Поток их глаз тебя однажды во сне с постели унесет.

Пусть будет мудрый терпеливым, когда гнетет его судьба,
Да не возьмет его навеки она в оковы, как раба.

Как Афрасьяб * не спи, коль спрятан в колодце у тебя Бижан,
Рустам тебя подстерегает, укрыв под панцирем аркан.

Ты спишь в довольстве, опьяненный. Но знай: обиженный тобой
Не спит, горит, лучится ярко, как жук светящийся ночной.

Ты каешься, что, как собака, ты поступил? Скажи: «Аль-афв» *.
Раскаившаяся собака ведь тоже твякает: «Аф! аф!»

От старости ты умираешь — что ж плакать? Ты приемлешь мир.
Уж пусть новорожденный плачет, являясь в муках в этот мир.

Ты свой курдюк по воле неба с трудом таскаешь, как овца.
Что ж, на быке ты хочешь ставить * фундамент твоего дворца?

Земля тебя вскормила грудью, ее ты вскормлен молоком;
Но кровь земля до капли выпьет из сердца твоего потом.

Не пей вина, в нем кровь отважных, земля когда-то их взяла
И, кровь из жил до капли выпив, тяжелым гроздьям отдала.

Земля с красавицей бездушной сходна и с деспотом-царем:
По внешности — цветник прекрасный, но кладбище под цветником.

Будь Меккой Хорасан, сельджукский Малик * в нем был бы Каабой.
Будь Самарканд высоким небом, то был бы Кадархан * звездой.

Но Самарканд немного плакал, когда скончался Кадархан,
По Малик-шаху не оделся в печаль и траур Хорасан.

Малик огнем был и водою; огонь потух, вода ушла,
От Малик-шаха в Исфагане * остались пепел и зола.

Хоть разгромил Гурхан * Санджара, напав, как вихрь, во тьме
ночной,
Но смерть напала на Гурхана и унесла его с собой.

Будь счастлив, Хакани, что верным путем идет твоя душа,
И знай, что вся земная мудрость и власть не стоят ни гроша!

ЖЕЛАНИЕ ПОЕХАТЬ В ХОРАСАН

Почему до сих пор не пускают меня в Хорасан?
Соловья не пускают в цветущий его гулистан *.

Нет подобного мне соловья в хорасанских садах,
Хоть и слышится песня моя в хорасанских садах.

Жемчуг мой на иракский базар мне нельзя понести,
И на славный базар хорасанский нельзя мне пойти.

Да, я знаю — течет в Хорасане живая вода.
Почему же, как Хызра, меня не пускают туда?

Я второй Искандар *, но остался я здесь на постой.
И нельзя мне пойти в Хорасан за живую водой.

У предела четвертого неба * пленили меня,
В восемь дальних эдемов * отсель не пустили меня.

Как Иса, аромат я и розе и мяте даю,
Но не вижу отсюда ни розу, ни мяту мою.

В чем же я виноват, что я жаждой палящей томлюсь,
Но к источнику светлому жизни я вновь не пробьюсь?

Что ж к порогу священному, где возвеличен Коран,
Не пускают меня, будто я и не чист и поган?

Или я им опасен, как бешеный слон Абрахи *,
Иль к Каабе второй не пускают беднягу грехи?

Да, ворота твои, Хорасан, к небесам вознеслись,
Почему же я в них недостоин войти, как Иблис? *

С сердцем радости полным, свободный, явился я в Рей,—
Но не знал я, что Рей будет клеткой докучной моей.

Рей — дехканская мельница, райский же сад — Хорасан;
Я не знал, что мне с мельницы путь преградят в Хорасан.

Говорю я среди мельников о Хорасане моем,
Шлемя грубое мельников мало что знает о нем.

И на мельнице этой хожу я, как буйвол в кругу,
Я в ярме, и на пастбище я убежать не могу.

Что я здесь? Я, как плод обреченный, опять и опять
Погибаю, и здесь не могу человеком я стать.

Слышу я — петухи на заре в Хорасане поют,
Я их всех голосистей — и вот я безмолвствую тут.

Я раскрою уста и, как яркий рассвет, рассмеюсь,
Но не в Рее унылом. Я здесь и смеяться боюсь.

Я — безвременный май, вешний цвет раскрываю зимой;
Цвет мой гибнет, и здесь не дадут расцвести мне весной.

Здесь я болен. Душевные муки терзают меня.
Хорасан — мой бальзам, но туда не пускают меня.

Здесь я телом, а сердцем моим и душою я там.
Я горю, но меня не пускают к моим рудникам.

Я за львом в камыши бы ушел, затаился в тиши,
Но меня, как огонь, не пускают уйти в камыши.

Я в мечтах об эдеме сижу здесь у адских дверей,
Здесь и спрятаться негде мне, место открытое — Рей.

К дальней цели стремясь, как планета, черчу я круги,
А пойти по прямому пути не дадут мне враги.

Мои слезы невидимы, жгут они душу мою,
Перед этими низкими сердцем я кровь не пролью.

Как планету Бурджис Близнецы *, окружают меня,
В Саратан заповедный они не пускают меня.

Хорасан ароматом творений моих напоен,
Там — дыханье мое. Я же в крепости здесь утаен.

Улетел далеко мною брошенный мяч, не достать,
Но с чоуганом меня на майдан не пускают играть.

Я застрял в этом Рее. О, сколько томиться мне лет?
И к прибежищу веры меня не пускают в Мешхед *.

Поклоненье могиле имама * грехом, может быть,
Здесь считают теперь и меня не пускают грешить?

Разве для правоверных уже не святыня Бистам *,
Почему не могу поклоняться святыне я там?

И без вас, о владыки, охрана моя неплоха,
Ум и воля мои истребят скорпиона греха.

Эти сердце и ум безопасно меня проведут,
Сбиться с верной тропинки в пустынных горах не дадут.

Предан правде высокой, за славою я не гонюсь,
Под охраною львов моих низости пса не боюсь.

Мне корона покоя и совести чистой дана,
Что мне почести, сан, коль меня украшает она!

Я Кава *, что вернул Фаридуна, Заххака плена,
Что ж теперь к наковальне моей не пускают меня?

Коль нельзя в Хорасан, так вернусь я к отчизне моей,—
Но меня не пускают к источнику жизни моей.

Ни на родину, ни к Хорасану дороги мне нет,
На пути достижения цели положен запрет.

Стал похож я на воск, от которого мед отделен,
Но и от Сулейманова перстня * мой воск удален.

Здесь боятся: уйду, и смятенье пойдет от меня...
Но во мне есть две силы, смирившие ярость огня.

Как колодец, мне здесь угрожает разверстый зиндан.
Потерял я надежду уехать к друзьям в Хорасан.

И кругом здесь колодцы зияют, куда ни взгляну.
Здесь и сердцу покоя, и мира душе не верну.

Как Ираклий *, ислама хочу я принять благодать,
Но корона и трон не дают мусульманином стать.

Как мячом, здесь играть захотели моей головой,
Здесь лишен я последней отрады и жизни живой.

Я как облако стал. Но моря обхожу я кругом.
Здесь нельзя мне пролиться и в море вернуться дождем.

Я как молния, небо я волен рассечь на бегу,
Но блестящей звездой на землю упасть не могу.

Пусть они в Хорасан отпустить не желают меня,
Почему же теперь и в Табриз не пускают меня?

У меня в Хорасане есть школа; в табризском торгу
Лавка есть. Я ни в школу, ни в лавку пойти не могу.

Людям рейского племени взяткой готов я отдать
Все, что в городе этом по крохам сумел я собрать,

Чтоб они на свободу, домой отпустили меня,
Чтоб своим муравьям они здесь не скормили меня!

Сокровищница дней была полна,
Но тает, уменьшается она.

Стал ясный взгляд судьбы твоей тускнеть,
И лик надежды почернел, как медь.

Бедняк последний и султан страны —
Все пред летящим временем равны.

Для овцепаса в шапке травяной
И для царя в короне золотой

Наступит утро, день за днем придет,
И ночь вослед прохладою дохнет.

И тот обманут жизнью человек,
Кто понапрасну промотал свой век.

Ведя свой вечный кругооборот,
Жизнь, изнуря тело, дни крадет.

Жизнь стала меньше на день у меня,
И падишах не досчитался дня.

Жизнь одинаково за годом год
У шаха и дервиша отберет.

Все пожирает времени дракон,
Исчезнут муравей и скорпион.

Для наводнения, для его волны,
И щебень и сухой камыш равны.

Не знает разницы пожар степной
Между сухой и свежеею травой.

От ветра ли свече пощады ждать?
Защиты хлопку у огня ль искать?

Не знает правды царь, но знаю я.
Он суетен — свободна мысль моя;

Несведущий и сбившийся с пути,
Он должен цепи алчности нести.

1

Солнце взошло. О любовь, принеси мне скорей чашу вина!
Солнцем зари пусть мне будет в мире скорбей чаша дана.

Поторопись, виночерпий, мне чашу налить! Я изнемог.
Уж в синеве на коне своего торжества едет луна.

Тонкое скинь покрывало с лица твоего! Воспламеняй
Душу мою! Пусть, пылая свечой, изольет слезы она!

Если ты мне воротить мой утраченный мир не помогла,
Пусть моя жизнь загорится, взлетит и падет — вся сожжена.

Слезы твои, словно жемчуг, упали с ланит в чашу мою,
Сладким твоим поцелуем блаженно душа опьянена.

Я пред тобой открываю в горячих слезах муки мои.
Пусть же тобой мне отпущена будет навек сердца вина!

Песни свои — порожденные сердцем — тебе шлет Хакани,
Как жемчуга — в тишине породившая их — вод глубина.

Сердце мое как челнок, а любовь — океан.
Слушай, любимая! Эти слова — не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спален,
Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжался! Ты видишь — под бурю гибнет мой мир,
Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!

Волн бушевание лишь по колена тебе,
Я же кипящим смерчем с головой обуян.

Кто же соперники у Хакани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

С той поры, как я в арканы длинных кос ее попал,
Тая, радуясь и плача, как свеча, я запылал.

Сколько раз в коротких письмах тень надежды я ловил,
Сколько я ночей, в мученьях, глаз бессонных не смыкал...

Для того, чтобы хоть мельком видеть каждый день ее,
Я бы дверь ее веранды, как невольник, охранял.

Взгляд ее миндалевидных черных глаз меня пленил,
И расколотой фисташкой я с тех пор от горя стал.

От стыда гляжу я в землю — мне ей нечего дарить.
Душу отдал бы. Но, видно, ей подарок этот мал.

Не завидуйте былому! О друзья, лишь тем я жив,
Что огонь надежды слабой в этом сердце не пропал.

В книге дум ее прочтешь ли день грядущий, Хакани?
Все приму я, что бы этот мне оракул ни сказал.

4

Золотая луна пред лицом твоим светлым тускла.
Ты улыбкою солнце само пристыдить бы могла.

И когда повела ты на приступ войска своих чар,
Сразу вал укрепленный ума моего прорвала.

Ты вошла в мою крепость — к дверям потаенным души,
Дверь неслышно открыла и в плен мою стражу взяла.

До тебя было горем разграблено сердце мое,
Ты остатки разграбила, выжгла мне душу дотла.

Твои длинные стрелы — ресницы — сразили меня,
Ты взглянула — и сердце мое пронизала стрела.

Мои письма к тебе не дойдут — у скворца моего,
Что носил тебе письма, в полете сломались крыла.

Хакани создавал свой дастан *. Но сломался калам,
Вдохновенье увяло, рука на строке замерла.

Почему, о душа, ты рассталась со мной?
 Пред тобой я какой провинился виной?

Я искал тебя всюду, рыдал и взывал,
 Истомленный, с согбенной от горя спиной.

Я прошел города, но нигде ни следа —
 Не нашел я души на дороге земной.

Или счастье со мною наскучило ей,—
 Улетела — и радости ищет иной?

Или за́ море птицей умчалась она,
 Иль с водой ручейков убежала весной?

И опять в городах вопрошал я и звал,
 Обошел я, тоскуя, страну за страной,

Не найду ли бездомную душу мою?..
 И ответил мне отрок в деревне одной:

«Хакани, твою душу я видел в сетях —
 В плен ушла она, следом за юной луной».

Луну не иду я — мне лик твой милей.
 Мне сладостней роз эта амбра кудрей.

Да, я обезумел. Но чтобы связать
 Меня, твои косы надежней цепей.

И слезы мои — как без облака дождь,
А кудри твои — облака без дождей.

Зачем тебе зеркало это в руке?
Ладонь твою светлая зеркал светлей.

Черны твои косы, как ночь моего
Полета на небо двудужья бровей.

Что даст своей тенью мне там Хумаюн? *
Довольно мне тени от кровли твоей.

И незачем небу терзать Хакани,
Причуды твои истерзают верней.

7

Стал я сам, как Маджнун *, по вине этой смуглой Лейли,
И причуды ее до безумья меня довели.

Ее кудри порвали в душе моей цепи терпенья,
Ее родинки веру в измученном сердце сожгли.

И она возгордилась, она от меня отвратилась.
И рекой мои слезы безмолвно в тоске потекли.

Но сегодня пришла она, плача, глубоко вздыхая.
И спросил я ее: «Чем утешить тебя? Повели!

Что тебя огорчило, скажи?» И она отвечала:
«День мне кажется годом, когда от тебя я вдали!»

О, какое сияние прелести! Это ль не чудо,
Что презренные видеть достоинств ее не могли!..

Восхвали небеса, Хакани, что они породили
Красоту неземную ее из воды и земли!

8

Твои стрелы пернатые — в сердце моем,
Мне от них никаким не закрыться щитом.

Я вступил в обиталище чистой любви,
Я невольником стал, я расстался с умом.

И парю, словно птица, хотя и без крыл,
В этом воздухе пламенном, в мире твоём!

Я иду, и пути мне обратного нет.
И любовь моя схожа со смертным мостом.

Я томлюсь по тебе. Но не ведаешь ты,
Что печаль мою душу сжигает огнем.

О, прими Хакани! Он твой пленник и раб,
Ты одна у него в этом мире земном!

9

О любимая, солнце земных моих дней!
Для меня ты и счастья и жизни ценней.

Сердцем сердца была ты досель для меня,
А отныне ты стала души мне родней.

Исцеляешь ты ласково раны мои,
И одна ты бальзам моих давних скорбей.

О султанша души моей, повелевай —
Я исполню, раба не найдешь ты верней!

О кощунстве, о вере ли буду писать —
Первой песнею будешь ты в книге моей.

И отныне я только лишь твой Хакани,
Ты одна мой хакан и владыка царей.

10

Семь прославляют небес твою красоту и стать,
Мог бы султан красоты оба мира завоевать.

Если ты косы свои, словно арканы, взметнешь,
Можешь ты птиц на лету в небе Плеяды поймать.

Лик твой, светлее луны, ярким сияньем своим
Может, как темную степь, дали души озарять.

Скроешься ты, и в печаль весь погружается мир...
Ты бы могла низойти, миру в беде помогать.

Этот мятущийся мир горя не знал бы с тобой,
Если б разлука с тобой не угрожала опять.

Знает твою красоту, прелесть твою Хакани,
Только откуда ему свойства души твоей знать?'

Для тебя я и сердцем своим бы пожертвовать мог,
За свиданье с тобою я душу бы отдал в залог.

Я стремлюсь за тобой: там, быть может, покой обрету,
Где сияет твоей красоты лучезарный цветок.

Ты меня новизной изумляешь и блеском ума,
Красота твоя сказочна, дух твой и жив и глубок.

Под лучами твоими светла моя темная ночь,
Будто ярким сияньем луны озаренный восток.

«Есть душа у тебя?» — ты спросила, но что мне сказать?
Есть душа, но не ведаю, где ее темный исток.

Ты вчера мне приснилась, и ты мне сказала во сне:
«Бедный друг, как ты сердцем в разлуке со мной изнемог!»

Без тебя на земле только бледная тень Хакани,
Но и тень исчезает, а день нашей встречи далек.

О радующая сердца, скажи мне, кто избранник твой?
Чью душу в мире ищешь ты? К тебе стремлюсь я всей душой!

В каком саду ты расцвела? Где я могу тебя найти?
О амбровый багряный цвет, возвращенный юною весной!

О ты, султанша красоты, владычица моей души,
О яркая луна, какой порождена ты высотой?

Раскрой свой нежный перламутр, рассыпь жемчужины — слова,
Кого стремишься ты пленить? Скажи, откройся предо мной.

Все соплеменники твои попали в плен твоих кудрей,
Как можно спрашивать: «Ты чья?» Немыслим и вопрос такой.

Ты с нами, но не наша ты, ты дух, и невидимка ты.
Кому же ты принадлежишь, хоть стала ты моей судьбой?

От множества твоих причуд в смятенье сердце Хакани,
Кому же ты благоволишь и мир даруешь и покой?

13

Сладостным зноем вчерашней ночи опьянена,
Снова прийти к ней сегодня мне повелела она.

Я же, придя, испугался: боже, что с милой моей?
Никнет она в лихорадке, жаром недужным полна.

Как заходящее солнце, лик воспаленный горит,
На потемневших ланитах выступила желтизна.

Кровопускателя вызвать — лекаря — я поспешил,
Лекарь пришел. Вот ланцета сталь им обнажена...

Вену возлюбленной вскрыл он. Мне показалось в тот миг,
Будто индийским кивжалом грудь моя поражена.

Кровь ее тихо струилась; мне же казалось, моя
Кровью душа истекает, мукой немой стеснена.

В таз золоченый стекала кровь, что в мученьях была
Стрелам причуд ее в жертву сердцем моим отдана.

Было с тем тазом для крови схоже лицо Хакани,
Бледность ланит была кровью слез его обагрена.

14

Выйди в поле, любовь моя, видишь, как поле цветет,
Роза с утренним ветром из чаши свидания пьет.

Соловей говорит, что нарцисс опьянел от любви,
Он, как видно, не знает, что красный тюльпан его ждет.

«Опасайся любви своей!» — лилия мне говорит,
Но совет ее вряд ли до слуха влюбленных дойдет.

Дань с цветов собирает в широкую полу весна.
Роза прячется в листьях, наряды свои бережет.

Не ходи в цветники, там ты палец шипом запозишь,
Там ведь злой недотрога — колючий шиповник растет.

Я боюсь, о красавица, если ты выйдешь гулять,
Кипарис — твою шапочку, как покрывало, сорвет.

Ветер утренний амбровых кос услышал аромат,
И вдохнул, и унес его в поле, и не отдает.

Из-за этого в ссоре я с ним. И смеются кругом:
«Вот глупец Хакани, с ветром утренним споры ведет!»

Сердце, союз с любовью ты свой обнови,
Данный любви обет свой былой обнови.

Если о вере и верности ты говоришь,
Истинной верности пламень живой обнови.

Перед кумиром влюбленный свершает намаз,
Ты поклонения идолу строй обнови.

Что на мели ты крылатый свой держишь корабль?
Бурям предайся и дружбу с волной обнови.

Скорбью ты горести прежде свои утолял.
Скорби не бойся и споры с судьбой обнови.

Дань свою хочешь с обоих миров ты взымать?
Право у сердца для власти такой обнови.

Стрелам очей своей милой навстречу иди,
Рану сердечную жгучей стрелой обнови.

В зелень одета красавица, словно весна,
Душу ты зеленью той молодой обнови.

Мир этот гнусен, в нем горе, как мята, растет,
Скорь свою мятой, душистой травой обнови.

В мире забыли Маджнуна, но ты, Хакани,
Душу и образ Маджнуна собой обнови.

Я такой красоты, как твоя, никогда не видал.
Пусть любовь моя — мука, я радости высшей не знал.

Хоть подобной тебе в целом мире красавицы нет,
Но никто и любовью такой, как моя, не пылал.

Знаю я, как опасно стоять перед троном твоим,
Но когда бы я мог, то тебе бы я под ноги пал.

Я в ночи ни на шаг не уйду от ограды твоей,
Хоть бы страж твой мне смертью за каждым углом угрожал.

Если путь от тебя до меня, как столетье, велик,
От меня до тебя он мгновение, я бы сказал.

О, прости, коль опять беспокоит тебя Хакани!
Неужель для тебя он докучною мухою стал?

Найдется ль кумир, подобный десятилкой моей?
Среди безнадежно влюбленных было ль кому трудней?

И вся моя жизнь отныне висит на нитке одной.
Где тоньше отыщется нитка? Кому еще было больней?

Два мира отдам я и душу за волос единый ее.
Кто больше, чем я, заплатит? Кто в мире меня щедрей?

Мне утренний ветер приносит далекий ее аромат,
Я лучшего дара не знаю, чем амбра ее кудрей.

О, если под каждым камнем отыщешь ты сто Хакани,
У них ведь моих не найдешь ты возвышенных дум и речей!

18

Я в мире смертного не знаю, кому б не снился твой кинжал.
Как часто я, томим любовью, забвенья вечного желал!

Живое сердце растерзали тобою пущенные стрелы,
Иль это бедствием небесным высокий свод меня карал?

Ты сотни, тысячи несчастных своими стрелами сражаешь,
Но крови нет следа на стрелах — на золоте блестящих жал.

О ты, султан очарований, как много зла ты причиняешь,
И нет суда, и нет надзора, чтобы тебя он удержал.

Защиты нет мне в этом мире, и я умру неотомщенным;
И никого нет, кто меня бы перед тобою защищал.

Огнем любви неразделенной в груди моей сгорает сердце,
Забито горло горьким дымом, тануром дух мой запылал.

По сотне раз я ежедневно терпенья книгу раскрываю,
Но не запомнил я ни строчки в той книге, сколько ни читал.

Вся жизнь моя прошла в напрасной надежде встретиться с тобою,
Измучен я, но срок разлуки короче ни на миг не стал.

«О, боже, боже!» — повторял я, мольба тебя не достигала,
Нет, видно, пользы в этом, сколько б к тебе в слезах я ни зывал.

О Хакани! Какая польза в бесплодных возгласах: «О, боже!»
Ведь этим всем твоим: «О, боже!» — один ты только и внимал.

19

Слух о твоём очарованье вселенную заполонил,
Но обещающий надежду услышан с неба голос был.

И волосы твои закрыли лицо, подобно покрывалу,
Как будто вечер солнца мира в обитель тайны удалил.

Кто сердце от тебя ни прятал в потемках, как свечу, скрывая,
Живой твой пламень сжег их тело, смеясь, их души растопил.

Но сколько бы мучений горьких не причиняла ты влюбленным,
Никто не сетовал на это, никто тебя не поносил.

Когда запутается птица в сетях волос твоих кудрявых,
Навек она там остается, как будто рок гнездо ей свил.

Один твой перл дороже клада и всех сокровищниц вселенной,
Но где тот океан, который твой перл бесценный породил?

Я за одно твоё лобзанье отдам свою живую душу,
И я сочту, что не напрасно такой ценою заплатил.

Твой Хакани, не поднимай же над ним своей разящей стали,
Один твой взгляд, твой взгляд лучистый, его без боя победил.

Милая, разве могу я тебя не любить,
Ты моя радость одна, без тебя мне не быть...

Пламя такое пылает в груди у меня,
Что и морскою волною его не залить.

Тысячу красок смешать я могу, но, увы,
Что я смогу без любви твоей изобразить?

Жил я всю жизнь по одним лишь законам любви,
Я от законов ее не могу отступить.

Как я о ранах сердечных поведать могу?
Я по бумаге каламом не в силах водить!

А ведь сердечную боль и печаль Хакави
В тысяче писем и в сотне касыд не излить.

Я, как ветки в цвету, не достигну свиданья с тобой.
Что мой песенный дар по сравненью с твоей красотой?

Мимолетно тебя я увидел один только раз —
И мучений бессонных вокруг меня кружится рой.

Я не ведаю, где ты, и вести мне нет о тебе,
Я вдали от тебя угасаю с разбитой душой.

Да, я знаю, с тобою увидиться я не могу,
И уж смерть в мои двери стучится костлявой рукой.

Вспоминая твой взгляд, я читаю в нем тайный упрек;
Сердце молча томится, прозенное смертной стрелой.

О, хотя бы один мне твой взгляд, только взгляд издали,
Но, как видно, дождаться его не дано мне судьбой.

Сердца скорбного тайную весть услышал Хакани,
От порога дверей твоих прочь не уйдет он живой.

22

Весть о тебе прошла по двум мирам,
Неся огонь мучительный сердцам.

Еще до твоего явленья в мире
Слух о тебе прошел по всем краям.

Такое пламя душу охватило,
Что искры полетели к небесам.

Спокойна будь,— недаром злым упреком
Молва идет за мною по пятам.

Но неужель после размолвки этой
Запретно стало примиренье нам?

Обрадовался враг мой и воскликнул:
«Какой фазан попал в тенета сам!»

Пусть притчу о змее и садоводе *
Сей случай с Хакани напомним вам.

Не взлететь мне больше на подрезанных крылах.
И погас мой светоч. Сумрак на моих путях.

Я перед врагами прячу взгляды от тебя,
Будто есть опасность для тебя в моих глазах.

Там, где ты проедешь на коне своем верхом,
Под мечом коварства жертвы падают во прах.

В волосок из лука редкий попадет стрелок —
В сердце ты, не целясь, попадаешь и впотьмах.

Клятву дашь — и тут же нарушаешь ты ее.
Как ты бессердечна — ласкова лишь на словах.

Чтоб всегда твой образ созерцать, душа моя
Миновала страшный путь над безднами в горах.

Пред твоим подножьем пепел сгубленных надежд,
И стоит престол твой на растерзанных сердцах.

Хакани все цепи разорвал, стремясь к тебе,
У тебя же в новых оказался он цепях.

За поцелуй один, о пери, я жизнь свою отдать готов.
В меня вдохнет он жизнь другую, блаженство на века веков.

Меня сжигает зной палящий, а ты как сахарный тростник,
У чьих корней тается холод живых и чистых родников.

Я не изведаю веселья, громадой горя угнетен.
Так пусть печаль меня затопит, выходит пусть из берегов.

«Собакой твоего порога» ты назвала меня вчера.
Но ведь порог твой в мире выше престолов царских и венцов.

Ты черноглазая тюрчанка, я твой индийский белый раб.
Дари меня чем хочешь — троном иль поясом твоих рабов.

Надеясь, что другие крылья ты дашь мне, на свече твоей
Спалил я трепетные крылья, как мотылек ночных садов.

В причудах ты подобна морю, изменчивая, как волна,
То мой челнок ты разбиваешь, то даришь горстью жемчугов.

Сказала ты: «Настанет время — отдам я перлы Хакани»,
Срок наступил — клянусь аллахом, я этот дар принять готов.

25

Нет, ты не любишь ладить с теми, в ком чистый пламенный горит,
Твой странный дух скорее праву дурных людей благоволит.

Я жертвой пал твоей, но все же о состраданье не прошу,
Бери свой лук, и пусть жестоко стрела твоя мне грудь пронзит.
Мне только ночь была защитой и покрывалом тайн моих,
Пусть дым моих горящих вздохов и полдень в полночь превратит.

Коварны происки, уловки толпы соперников моих.
Пожар во мне незримо тлеет, и путь извне к нему закрыт.

Лишь сердце знает цену сердцу. Собою доволен перламутр —
И он цены не знает перлу, что и во тьме ночной блеснит.

Коль о твоей любви бесценной молва дойдет до цветника,
То мимо всех даров Ноуруза * рассветный ветер пролетит.

Покамест дышит, не оставит тебя в покое Хакани,
Надеясь, что добро, быть может, в твоей душе заговорит.

26

Ты огнем разрываешь мне грудь, о султан красоты!
Я твой пленник, оковами руки мои обвиты.

Ветви дерева не зеленеют в моем цветнике,
Обнаженные с осени — не расцветают кусты.

Потеряли рассудок влюбленные из-за тебя,
У пещерных отшельников мукой сердца налиты.

Истерзались в разлуке с тобою живые сердца,
Без тебя не наполнить душевной ничем пустоты.

Я, со временем в нарды * играя, вдвойне проиграл,
Мне обманные кости игральные шлют с высоты.

Совершил я ошибку, безумно влюбившись в тебя,
И стучусь я напрасно в закрытые двери тщеты.

Хакани! Лишь молва о любви твоей в мире прошла,
Все сказали, смеясь, что в любви не осведомлен ты!

Напоенный дыханьем кудрей мне отрадный пошли ветерок,
Как сосуд благовонный весны, что едва распечатал восток.

Утро чашей шербета пошли, от которой пригубила ты,
Поцелуй мне залогом пошли, что свидания день недалек.

Я безумец, ты знаешь сама, я умру от недуга любви,
Умоляю тебя: снизойди, отдали моей гибели срок!

Поделуем своим услади непомерность мучений моих,
Пусть мне узами будет навек твоих мускусных кос завиток.

Покрывало с лица подыми и зарей долгожданной блесни,
В обиталище скорби сама, словно солнце, ступи на порог.

Коль не можешь прийти ты ко мне, ты яви мне свой образ во сне.
С тихим ветром вечерним пошли своей верности вечный залог.

Столько горестей из-за тебя, столько мук претерпел Хакани —
Так пошли же ему наконец животворный бальзама глоток!

Если просьбы ты малой моей не исполнишь — то милость яви
И верни мое сердце туда, где начало его и исток.

Весть о судьбе моей мне поскорей пошли,
Слово надежды тайком от людей пошли.

Все говорят, что в неволе я у тебя.
Поясом ты мне завязку с кудрей пошли.

Сладкие губы раскрой и запой дастан,
Жемчуг, обоих миров ценней, пошли.

Пламенный взор твой похитил душу мою,
Слово надежды мне в шуме ветвей пошли.

Сердце сгорает во мне! Исцеление дай!
Каплю бальзама из чаши своей пошли!

Душу свою отдает тебе Хакани,
Если ты примешь, то весть мне о ней пошли!

29

Нет преданности в этом мире, добра былого не осталось,
И в сердце, дружественном прежде, тепла живого не осталось.

Вновь надо мною гнев судьбины зловеще простирает руки.
Но сил бывалых для отпора, щита и крови не осталось.

Сад верности спален пожаром, и пепел по ветру развеян,
Не только зелени, а даже куста нагого не осталось.

На волоске между геенной и раем я судьбой повешен.
Я, обреченный на мученья, терплю. Иного не осталось.

Я изучил людей глубоко. И жалуюсь и негодную —
Ни в ком из них былого света, тепла людского не осталось.

О Хакани, уйди от этих людей, в пучине зла погрязших!
Питайся молча кровью сердца! Тебе другого не осталось!

В этом мире не слышал я искренней речи простой
И не видел я радости, скованный мрачной судьбой.

Сколько в нарды и в кости я с веком моим ни играл,
Я всегда был обманут коварной, неверной игрой.

Изучил я людей и явления сам поверял —
Вижу: нашему времени чужд равновесия строй.

Тень моя — сотрапезник мой! Ты собеседник мой, стон!
В дружбу вашу я верю и дружбы не знаю иной.

Тень, очей моих свет! Друг бессменный души моей — стон!
В размышленьях, в труде вы одни пребывали со мной.

Но хоть прежде не мало я числил друзей среди людей,
Все они обманули и все были кривы душой.

Вне вселенной я верность и искренность буду искать,
Ибо в жизни их нет, ибо мир их не знает земной.

В знак печали я платье свое на груди разорву,
Ибо радости я на земле не видал ни одной.

Где же доблесть, где мужество? Тоже покинули мир.
Только злоба шумит, словно море тяжелой волной.

Я слышал: в ветрограде столетия зреют плоды,—
Но не видел я прибыли, кроме соломы гнилой.

А из пищи, варящейся в вечных вселенной котлах,
Избираю я бедности хлеб и душевный покой.

Я вернее лекарства для раны души не нашел,
Чем вино, принесенное утренней ранней зарей.

О рыдай, Хакани, под рыдания саза * времен!
Лучших песен не знал я, чем голос рыдающий твой.

31

Доколь мне угнетения сносить
И вздох от тени собственной таить?

Да, я — звенящий най! И я могу
Стенать, но не могу я говорить.

Чем жажду справедливости моей
В несправедливом мире утолить?

Доколе бешеный двухцветный пес
Меня стараться будет укусить?

До коих пор я, как ручной кувшин,
В ладони низких воду буду лить?

До коих пор, с веревкой на спине,
Весами в лавке буду я служить?

Коль от веревки я освобожусь,
Приду я в равновесье, может быть.

**До коих пор, как камень пробы, я
Безмолвно буду истину таить?**

**Ты говоришь: «Утихни, Хакани,
Пора бы успокоиться, остыть!»**

**Ты видел бурю, волны, облака?
Попробуй бури бег остановить.**

1

В день отъезда, когда наконец я простился с Ширваном,
Как ни странно — я плакал. Уехал я, полн сожаленья.

И, тоскуя в разлуке, я встретился с быстрым Араксом,
И Аракс мне шумел, будто понял мои он мученья.

Бушевал он, подобно реке моих бурных страданий,
И кипение волн словно мук моих было кипенье.

2

Когда я пришел в благодатные земли армян,
Добро и приветливость в каждом увидел я взоре.

В особенности у соседей моих — христиан...
«Второй он Иса!» — я ловил о себе в разговоре.

Считали, что я к ним с четвертого неба пришел,
Внимали стихам моим, тонкость являя в разборе.

И морем назвали они вдохновенье мое,
Твердили, что в нем потонуло б Арджишское море *.

О друг, не дивись, коль от сладости песен моих
Арджишская горькая соль будет сладкою вскоре.

3

Дворцы царей подобны морю; нет в этом море перламутра,
Но стаями акул теснится там лизоблюдов жадный сброд.

И муж разумный, муж познания, корабль духовного богатства,
Ища удачи, в это море неверное не поведет.

Жемчужины живого чувства в нем не найдешь ценою жизни.
Лишь сплетен и превратных мнений кружится там водоворот.

А сердцу, любящему правду, пусть покровительствует разум.
Он верный путь добру проложит и шею жадности свернет.

Довольствуйся уединеньем, покоем и лепешкой хлеба
И не ищи у царских тронов чинов, отличий и щедрот.

4

О Хакани, удались от служения шахам,
Чтоб в стороне от грызни их позорной остаться.

Полно как чаша блистать на пирах у султанов;
Будет душа твоя кровью потом обливаться.

Шахи — не солнце. Зачем, подходя к ним луною,
То вырастать, то идти на ущерб, истребляться?

Иль за полсуток, подобно созвездию Девы,
То унижаться, а примут — опять возвышаться.

5

Спросил меня ты, я люблю ли шахов.
Я не люблю ни шахов, ни царей.

Шах запретил мне в Хорасан поехать,
Тюрьмой моей хотел он сделать Рей.

Но все же надо мной он был не властен —
Правитель должен различать людей.

Я отправляюсь в Хорасан к ученым,
Мне дела нет до тамошних властей!

6

Сказали как-то, что, мол, Хакани
Быть недостойн при дворе султана.

Сказали правду — водоносом див *
Неподходящим был для Сулеймана.

Султан ничтожен — недостойн он
Души моей широкой океана.

Мне халиф говорит: «Если будешь ты мой секретарь,
Я тебя одарю, дам большое тебе повышенье».

Правда, я секретарь — бесподобен мой почерк и слог,
Все же я не намерен такое принять приглашенье.

Невеликая честь — секретарствовать мне у тебя!
Даже место вазира — не цель моего вожделья!

Сам я солнце — зачем же мне вдруг становиться звездой?
Шапка, взятая в долг, для меня не почет — униженье.

Очень кислы плоды на ветвях государства
И не стоят того, чтобы их собирать.

Угощенья на скатерти мира невкусны
И не стоят того, чтобы мух отгонять.

Все дары и деяния шахов ничтожны
И не стоят того, чтобы их восхвалять.

Все новое: и трон и царство. Вазир у шаха тоже новый.
 Любовь народа завоюют не обещанья, а дела.

В моем коротком поученьи для мудрых велико значенье —
 Была бы польза царству, если б душа вазира мне вняла:

«Ты правь не так, чтобы, вздыхая, предшественников вспоминали,
 Будь справедливым, чтобы память твоя в веках не умерла».

10

Я в мире когда-то богатства хотел,
 От низких людей я не принял его.

Я многого жаждал, но мало дала
 Судьба, и не взял я у ней ничего.

11

Хакани, накопил ты сокровища знаний,
 Почему же глупцы и невежды царят?

Льва назвали царем по достоинству в мире,
Почему же на тигре роскошный халат?

Тело рыб — в серебре. Почему же глубины
В лоне каменном жемчуг от мира таят?

12

Я — того Хакани, что и мир и людей
Своим ясным умом изучал и познал,

И в достоинствах и в недостатках во всех
Пробным камнем в твореньях своих показал.

Блага я не дождался от подлых людей,
Я неискренних искренностью поверял.

Злые люди, увы, неспособны к добру.
Злом платить им высокий мой дух помешал.

13

Я молодость свою, как золото, рассыпал —
Невосполнимая потеря, сам я знаю!

Но, воротить свой клад утраченный надеясь,
Я, горсть за горстью, прах слезами промываю.

14

О, сколько, Хакани, горящих вздохов
Твоих к высоким небесам ушло!

Ты века сын. Но как же он враждебен,
Как над тобой глумится век твой зло!

Ближайшая родня — стекло и камень,
Но камнем так легко разбить стекло.

15

Я боюсь, если сильно тебя пожалею,—
Разнесется молва в этом мире пространном...

О возлюбленная! Я дошел бы до бога,
Если б косы твои мне служили арканом!

16

На свете преданность ценнее и речче всех земных богатств;
И сердце верное труднее найти, чем камень-эликсир.

Подобно имени Симурга *, названье «друг» — один лишь звук.
Но легче отыскать Симурга, чем друга, хоть пройди весь мир.

17

Моя поэзия и проза прославлены во всей вселенной,
Из уст чужих свои касыды услышал я в краю чужом.

Мои слова бегут, как воды, а мысли в них огнем пылают,—
Скажи, кто в мире видел воду, соединенную с огнем?

Я из огня Мусы живого беру живую воду Хызра;
Не чудо ль, что вода и пламень живут в явлении одном!

Ни злобы низкой, ни расчета нет в этих двух моих диванах,
Равно, писал ли я персидским или арабским языком.

18

Все дано тебе: молодость, свежесть, достаток, свобода.
Ведь для счастья на свете достаточно трех этих сил.

Хакани! Не ропщи! Три дано тебе истинных дара,
Вместе все — эликсир, вместе мало кто их находил.

19

Встречая подлинных и подлых людей, я пробе подвергаю
Их всех на пробном камне чести; так высший долг мой мне велит.

А я в судьбе своей от подлых и низких духом независим,
Моя судьба непоколебимо скалой испытанной стоит.

Тот, кто умом и сердцем низок,— к благодеянью не способен,
Но человек великодушный другому зла не причинит.

Небольшое богатство — покой. А в богатстве большом —
беспокойство.
Это значит — в погоне за золотом мудрый не сгубит свой век.

Ведь богатство, подобно вину, веселит, если пить понемногу,
А от пьянства и самый разумный теряет свой ум человек.

Зачем, о друг, стремясь за страстью, ты сокращаешь жизнь свою?
Судьба заботится об этом, твой век вседневна сокращая!

Жизнь у тебя — одна всего лишь, но двое отнимают жизнь:
Одна — твоя любовь шальная, а грозная судьба — другая.

22

Хакани! Как врагов, опасайся советчиков скверных!
Коль советчик дурной, и тропа твоя будет кривой.

Если низкий тебе направление верно укажет,
Унизительно это. Стыдись ты услуги такой!

От общения с низкими мысли становятся низки.
Скверных дел своих словом хорошим не скрасит дурной.

Дружба с низким унижит. Ты видишь, как золото в колбе
Яркий блеск под влиянием ртути утратило свой?

Но хоть золото и побелело от действия ртути,
Возродится оно, переплавясь в печи огневой!

23

Ты говоришь: «Душа не элемент, а сплав...»
Но чистой совестью должны мы обладать.

Бывают случаи, что спорящий глупец
Тебя, ученого, заставит замолчать.

И это — странность свойств в строенье естества,—
Ведь можно и алмаз куском свинца сломать.

24

Видел я, как глупец бессердечно цыпленка гонял,
Говоря, что цыпленка без муки убить он желает.

Как похож человеческий род на цыпленка того,
И не так же ли без передышки судьба нас гоняет?

25

Клянусь справедливым аллахом, зиждителем мира,
И всем неисчерпаемым благом, вместившимся в нем:

Глава всех ученых мужей, Хакани, превосходит
Сто тысяч хаканов достоинством, честью, умом!

Сказать не могу, что мыслитель, поэт и ученый
Пьет Хызрову воду живую своим черпаком.

Живая вода, чтоб служить Хакани на потребу,
Сама поливает ширванскую землю дождем.

26

Коль не было бы у Фархада * в любви к Ширин забвенья чести,
Всем на показ изображение ее он делать бы не стал.

Честь позабыл он, а иначе Ширин не изваял бы в камне;
Подобно мне, любимый образ в душе своей бы изваял.

27

О утро, поведай мне о той золотой луне,
Дыханье амбровых кос мне издали навевай!

О призрак друга живой, всегда витай предо мной,
В зеленых далях души мне пастбища открывай!

О, как многословен ты порою, друг Хакани,
Ты душу другу яви, сказание обрывай!

Пожалуй, ты прав, что ты плачешь теперь, Хакани,—
Где толпы друзей твоих? Как одинок ты и сир!

Вот — неисчислимы враги у тебя. А друзей
Трудней отыскать, чем великий найти эликсир.

Хакани, ты унижен дарами владельцев сих,
Даже хлеба куска ты у них не бери никогда!

И бальзама от раны душевной у них не проси,
Если худшего ране своей ты не хочешь вреда.

Если чаша разбилась, тогда лишь оценят ее,—
«Что утратили мы!» — восклицаний пойдет череда.

Посмотри на верблюда, что с согнутой шеей идет,—
Груз верблюда — цена его крови, и мук, и труда.

Если б шея его превратилась в мешок золотой,
Что за польза верблюду? Была б ему пуще беда.

Жил я в городе Рее, уехать решил в Хорасан,
В ту дорогу желанье души увлекало меня.

Но правитель упряился, мне он уехать мешал,
Самовластие к месту тогда приковало меня.

Он мне зло причинил, помешал он полезным делам;
Как его самодурство тогда угнетало меня!

Был бы гневом моим заклеймен этот Джамаль ад-дин *,
Уважение к сыну его удержало меня.

31

Нет у меня самых нужных для жизни вещей,
И не обрел я того, чего сердцем желал.

Думал я прежде: «Все будет! Надейся, терпи!..»
Но ничего не дождался я, сколько ни ждал.

Помощи я у небесных просил облаков —
Гром мне ударил в ответ, и перун засверкал.

Коль потрясти мой подол, то оттуда моя
Печень посыплется, денег же я не собрал.

Кажется, гнать по пятам меня злая судьба
Не перестанет, пока я без сил не упал.

Кровью я плакал. От слез моих красен бурнус.
Но от друзей я участия в беде не видал.

О Хакани! Неужели твой огненный стон
Дряхлых устоев судьбы еще не расшатал!

Хакани удалился в отрадное уединенье.
Здесь мне лучше, чем в царстве, где властвует пышный хахан.

Мне умеренность — пища теперь, бережливость — напиток;
Словно Хызрова влага, она наполняет стакан.

Сердце больше не мучит забота о хлебе насущном.
Я свободен от мира, где властвуют зло и обман.

Люди стонут и страждут в труде, чтобы день прокормиться.
Получают же крохи, как шахский предпишет фирман *.

Ни из чьей я руки не беру ни даров, ни подачек.
Я, как птица, кормлюсь от рассыпанных богом семян.

Сулейман муравью отказал в пропитании скудном *,
В пропитании, видно, нуждается сам Сулейман.

О Хакани! Пусть ты величьем затмишь Бахмана и Джамшида —
Величие, как жизнь, мгновенно, и ты величьем не гордись.

Ведь сотни, тысячи Бахманов пришли в сей мир, ушли бесследно,
Однако мир стоит, как прежде, и та ж над ним кружится высь.

Все истребляется, и только неистребима плесень мира,
Как прежде все: «Стенай, живущий, и под ярмом судьбины гнись!»

Века идут, а улучшения и перемен не происходит,
И те же над землей созвездья, что в небе некогда зажглись.

Уйдем мы; многие другие придут, уйдут вослед за нами,
Но кто сказать посмеет небу и времени: «Остановись!»

Нет, видно, нужен гнев господень и сура вздох *, чтобы явлений
Расторгся тесный круг и узы земной неволи порвались.

34

О Хакани! Ты дирхем * подаешь бедняку,
Вечного рая от бога взамен ожидая.

Великодушья такого стыдись, о ходжа!
Знай: лицемерие низкое — щедрость такая.

Можно ль даяние великодушьем назвать,
Если гроши отдаешь ты, а требуешь рая?

Людам даешь, а у бога ты просишь вдвойне,—
Это грабительство! Где твоя совесть живая?

Знай — настоящее великодушие в том,
Чтобы награды не ждать, все, что есть, отдавая.

35

Меня хакан питает. Хакани
Всю меру щедрости хакана знает.

Его я сердце знаю. Он меня,
Как древле Мухаммед Хассана, знает *.

Я в мире слов державы смысла царь.
Он — суть речений без изъяна знает.

Насколько чисто золото кольца,
Лишь пробный камень без обмана знает.

Знать свойство слова умному дано,
Так чачский * лук стрелок Турана знает.

36

Не позорь Хакани, ибо вред, причиненный ему,
Обесчестит тебя и лишит тебя жизни святой!

Ветку жизни своей тот ломает и добрых плодов
Не увидит, кто низко смеется над честью чужой.

Кто достойному зло причиняет в безумье своем,
Вряд ли знает, что зло совершает он сам над собой.

Кто святыню чужую бесстыдно решит осквернить,
Сам себя обрекает бесчестьем и гибели злой.

Кто унизит почтенного, скоро унижится сам —
И презренный раздавлен, как червь, будет вражьей пятой.

Кто, озлобясь, на доброго глазом дурным поглядит —
Сглазит сам он себя и поникнет, наказан судьбой.

Шах Парвиз с небреженьем письмо Мустафы разорвал *,
И за это во сне был шахпура убит он рукой.

О Хакани, ты сокровищ земных не ищи!
 Вся эта жизнь, может быть, лишь неделя одна.

Золото — светлый твой день, серебро твое — ночь,
 В них — все богатство и вся твоя скрыта казна.

И хоть колосья судьба высоко подняла,
 Мало в колосьях ее налитого зерна.

Если ты беден и роскошью не окружен,
 Щедрость ума твоего никому не нужна.

Эта земля — беспощадный и грозный палач,
 Все, что рождает, сама истребляет она.

Плелся козленок за мальчиком, несшим изюм,
 Знал ли козленок, что участь его решена?

Был он, как помните, мальчиком этим убит.
 Из-за изюма была ему смерть суждена.

В этом мире скорбей, если ранен ты в сердце судьбой,
 Утешителя-друга труднее найти, чем бальзам.

Раны свежие сердца не лучше ль засыпать землей,
 Чем лекарства искать, доверять свои муки врачам?

Песню вздохов последних летящему ветру отдай,
Коль нельзя ее верным и любящим вверить рукам.

Колос верности сердца на ниве вселенной увял,
Сев надежды погиб, обжигающим предан лучам.

Упования ниву полуденный зной иссушил,
Никогда не пролиться над ней благодатным дождям.

Коль живешь ты в довольстве, то много друзей у тебя,
Но напрасно в беде обращаться к подобным друзьям.

Если другу такому расскажешь о горе своем,
Молвит: «Бог милосерден! Терпи! Так заведено нам!»

Разве ты человека свободного в мире встречал?
Я такого не ведаю. Все мы подобны рабам.

У народа в году есть два праздника *. Но присмотришь —
И название праздников вряд ли ты дашь этим дням!

Потому что такого и праздника нет на земле,
Где бы не было места скорбям, и слезам, и смертям.

Хакани, подымись и от скатерти мира уйди!
Пир невесел. Угрюмый хозяин неласков к гостям.

На одеяние синего неба * взгляни —
Смерти обитель сей мир и в печаль облачен.

О Хакани, обольщеньям земли не внемли!
Все здесь неверно, и здесь беззаконье — закон!

РУБАЙЯТ

1

Моя любовь мне муки причиняет.
Она моим молениям не внимает.
Источник всех моих мучений в том,
Что о любви моей она не знает.

2

Эта низость и злость клеветы и вражды
Тяжелее гонений и горше беды.
Тяжелее их — вечная с милой разлука,
А большее всего — униженье нужды.

3

В чем держится душа моя живая?
Меня судьба терзает — ведьма злая.
И пища, что она готовит мне,
То несоленая, то соль сплошная.

4

Кравчий! Чашу мне не наливай доплна!
 Не вернется увядшая жизни весна.
 Мало, много ли ты мне нальешь — безразлично,—
 Камень горя не сдвинешь потоком вина!

5

Дым горящих стенаний моих — небосвода одежды,
 От бессонных мучений в ночах не смыкаю я вежды.
 В туфлях жизни колючки бесстыдно мне ноги язвят,
 И разбито о камень стекло моей хрупкой надежды.

6

Пусть беспомощным и одиноким, как я, не очутишься ты в пути!
 Пусть ярма таких унижений и мук не придется тебе нести!
 Я разлукой с возлюбленной изнурен, я на встречу надежды лишен.
 Пусть никто не болеет сердцем, как я, на земле, где врача не найти!

7

Если хочешь, чтоб имя стояло твое высоко,
 Скромнен будь, людям сердце свое открывай широко,
 С бедняками дружи, собеседуй с простыми людьми,
 И пойдет твоя добрая слава средь них далеко.

Я Маджнун, мой печальный удел — тосковать.
 Кто бальзам от безумия может мне дать?
 Ухожу я в пустыню — к джейранам и львам,
 Не удастся вам в цепи меня заковать!

9

О ты, превратившая сердце в обитель печали!
 Цветет твоя лилия в сердце, где розы пылали.
 С тех пор, как горящее горе со мной породнилось,
 Со старою скорбью врагами мы кровными стали.

10

Кровью душа залита, я из легких огонь извергаю.
 Огненно-красным вином я чашу свою наполняю.
 Кровь огневая — вино. Глотаю я кровь и огонь,
 Кровь проливаю на кровь, огонь на огонь рассыпаю.

11

Если хочешь, чтоб зеркалом сердце твое заблестало,
 Корни гнусных пороков из сердца исторгни сначала:
 Жадность, мстительность, подлость, жестокость, надменность
 и зависть,
 Пресмыкательство низкое, злобы змеиное жало.

Хакани! Если честь и добро тебе выше всего,
 Никого не ударишь ты, не оскорбишь никого.
 Ведь достоинством всякий живой человек обладает,
 И пощечина хуже, чем сабли удар, для него.

Причиняешь душе моей ты лишь страданья,
 Мне на сердце легла вся печаль мирозданья.
 У дверей твоих я схороню свою душу,
 Пусть к тебе долетит ее благоуханье!

Вечно облик твой в сердце моем и во взоре,
 Твое имя звучит мне немолчно, как море.
 И прислушался всем существом я, едва
 Твое имя услышал в чужом разговоре.

В тот миг, как тело мотылька с огнем соединилось,
 И сердце темное свечи огнем воспламенилось.
 На трепетном огне свечи сгорает мотылек,
 И вместе с ним она гореть навеки согласилась.

Печальную душу мою в свои руки прими,
 Добычу, тобою подстреленную, подыми!
 Я — грешный твой раб Хакани. Я навек тебе предан.
 Оставь ему жизнь или вовсе ее отними!

Ушла. Унесла мою душу. Проходит за часом час.
 Прислушиваются уши, и смотрят зеницы глаз.
 Глаза у ушей вопрошают: «Вы слышали что-нибудь?»
 А уши у глаз вопрошают: «Не видели ль еще раз?»

Не будь себялюбцем презренным, а пусть тебя любят другие.
 Всем делай добро, и не будут ущербом убытки такие.
 Зачем тебе пышность одежды? Будь щедрым, нагим, словно
пальма,
 Что к небу подымлет главу, где сияют лучи огневые!

Если хочешь меня умертвить, то скажи мне —
 Смерть я радостно встречу, поверь! Но внимли мне!
 Поцелуем сперва опьяни мою душу,
 После в сердце, как стрелы, ресницы вонзи мне!

Я на небе поэзии солнце сегодняшних дней.
 Никому из певцов высоты не достигнуть моей.
 Это солнце зовется султаном семи поясов,
 Но оно — лишь слуга моих песен, вселенной моей.

21

С душою преданной в тысячелетье раз
 Родится человек — таков преданий глас.
 Один, наверно, был, когда мы не родились,
 Другой появится, когда не будет нас.

22

Ты всегда Хакани упрекаешь, всегда озлоблен!
 На меня нападаешь, язвишь меня, как скорпион!
 Мое сердце на двести кусков разорвалось от горя,
 Но тобой еще новый огонь в этом сердце зажжен.

23

Цветники озаряются блеском зажженных свечей,
 Фонарями тюльпанов пылают просторы степей,
 И на склоне зари от улыбки моей солнцеликой
 У меня засияли лампы потухших очей.

24

Ты каждый день неумоимо причуды новые являешь;
Одежду моего терпенья ты на кусочки разрываешь!
Нет верности в тебе ни капли. Бездушная, оставь меня!
Я испытал тебя. Я знаю тебя, как ты себя не знаешь.

25

Жизнь моя в праздности, без утешенья прошла.
Рушатся все мои замыслы, гибнут дела.
О, если б ты меня в деле моем поддержала!
О, если б сердцу ты новую жизнь принесла!

26

Сегодня ты в душе моей гостишь,
В чертоге сердца царственно сидишь.
Я за тебя умру. Ты причинила
Мне горе, и его ты исцелишь.

27

О, вспомни меня средь блеска пиров и вина —
И будет опять душа моя света полна!
А если ты мне справедливость явишь свою,
От горя навек свободна будет она.

О небо! Настигни возлюбленную в пути,
 Утешь, убеди ее, вновь ее мне вороти!
 О горе души моей правду ей всю Расскажи.
 Беги, торопись, чтоб ответ мне скорей принести!

От ожиданья вестей от тебя я чуткий свой слух потерял.
 От ожиданья свиданья с тобой свет моих глаз пропал.
 Права не понял я твоего, душой истомился я.
 Гибнет надежда моя, но тебя ждать я не перестал.

Все птицы улетели. Жалкий вид
 У клетки, что над родником висит!
 Был Хумаюн в той клетке — Хакани,
 Он больше в клетку ту не прилетит.

От этой гурни прекрасной без ума —
 Не полюблю другой, хоть здесь красавиц тьма.
 Клевать по зернышку, как воробей, не буду,
 Когда она сама зовет меня Хума.

Я мучусь в разлуке с тобой, хоть причуды сугубы твои,
 Но снова и смех, и улыбки, и шутки мне любы твои.
 И руки и губы твои мне подносят вино золотое,
 Как перлами полный ларец уста мне и зубы твои.

Ты низкими друзьями взят в полон,
 Но разве дружба с низкими — закон?
 Они в глаза попали, как соринка,
 Промой глаза, мигай, гони их вон!

Как я красавицу грузинку полюбил,
 Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил.
 Я столько раз сказал ей: «Мои, мои, мои!» *,
 Что каждый волос мой со мной заговорил.

Ты христианская красавица, душа в твоём сияет взоре.
 О сердце чистоты неслышанной, со всякой низостью ты в ссоре.
 Но как же ты меня измучила! Смотри, я исхудал, как волос,
 Взываю «мои» понапрасну и таю и горю от горя.

Что пред тобою куропатка с своею песенкой простой?
 И соловей, влюбленный в розу, не может быть сравнен с тобой.
 И жаворонка ты игривей, и белых горлиц говорливей,
 И птицу гордую — павлина — ты превосходишь красотой.

Ветерком предвесенним повеяли светлые дали,
 Но от нашей весны еще вести и не долетали.
 Роза утром раскрылась, свой тесный покров сорвала,
 Лишь моя розоликая прячет лицо в покрывале.

В эту ночь, когда сердце мое на пиру прекрасном с тобой,
 Я душой — в эдеме твоём, осененный вечной тубой *.
 Вся душа моя здесь, с тобой, о, позволь мне, моя душа,
 Чтоб и тело мое слилось в эту ночь с моею душой.

От любви к тебе и огонь сильнее горит.
 Жгучий пламень твой пламя новым жаром дарит.
 Тот, кто видел родинки на лице твоём,
 Молвит: «Это черный индус средь огня сидит».

Возлюбленная причиняет мне новые мученья.
 Душа моя огнем сгорает, и нет мне утешенья.
 Она меня повергла в горе. И мой горячий вздох
 Палящим ветром наполняет простор миротворенья.

Корабль твой в море ушел под ветром на всех парусах.
 Теперь беспредельная грусть, как море, в моих глазах.
 Как странно расстались мы, как чудно мне это все:
 Вот — ветер в моих руках, а ты — у ветра в руках.

В саду моей жизни печаль вырастает одна.
 Осыпались розы, в мой сад не вернется весна.
 Под ветром холодным беды — на току моей жизни —
 Ни битой соломы, ни колоса нет, ни зерна.

У безнадежно влюбленных лица желты,
 Вежды в слезах, как поникшие долу цветы.
 Но как судьбой одарен, как безмерно богат,
 О луннолика, тот, в чьих объятиях ты.

У Хакани глубоко в душе горе затаено,
Он исхудал, ланиты в слезах, сердце его сожжено.
Жизнью пожертвовать он готов за свиданье одно с тобой.
Тело, глаза и душа — будет все в жертву принесено.

Пусть полон вздох мой мукой и огнем,
Не отзовется в сердце он чужом.
Бессмысленно, как солнце и луна,
Ночь я бессонно смешиваю с днем.

Новым горем от старой беды мое сердце полно,
Это горе — вулкан, и огонь извергает оно.
Я пристанища сердцу иду, но найти не могу.
Я покоя хочу — мне покой обрести не дано.

Какая мощь в словах твоих блистает,
Но низкий их в игрушку превращает.
В наш век талант — певцу смертельный яд,
Не возвышает он, а унижает.

О, как жаль! Мы ушли от тебя и печаль унесли!..
 Мы томление сердца с собой не вчера ль унесли?
 Мы покинули радость, ушли от твоих мы дверей,
 Сожаленья на память и скорбь свою вдаль унесли.

О Хакапи! На дар свой опирайся,
 Пред пышностью презренных не склоняйся!
 Не будь ферзем, чтоб криво не ходить,
 Будь лучше пешкой — прямо устремляйся!

Дивная сила дана моим звучным словам,
 Воду в вино они, яд превращают в бальзам.
 Розовым соком моих целебных речений
 Я от давнишних скорбей исцеление дам.

Я не дикий, в тени прозябающий плод,
 Солнце я, что весь мир озаряет с высот.
 Мой хулитель — не женщина и не мужчина,—
 В женской шали, в стыде от меня он уйдет.

Я горем зажегся твоим и в огне расточился,
 В обители горя, во тьме я свечой засветился.
 Не знал я доныне ни боли душевной, ни слез,
 Но у твоего равнодушия им научился.

Моя душа в твоих руках. Что с телом делать мне?
 Жемчужина в твоих руках, а море в стороне.
 Терпению не поручай дела моей любви!
 Терпенье — слово, что мертво и пусто в глубине.

Твоя краса и мудреца и простака сразит.
 Твой локон амбровый толпу в безумцев превратит.
 От черного огня твоих пылающих очей
 Покинул келью, опьянев, Бистамский Байзид.

Нет, молодость, как небо, не горда —
 В движенье, как огонь, она всегда.
 С ней и плохое кажется хорошим,
 А без нее и доброе — беда.

О, сколько в душе у меня и обид и скорбей,
 О, сколько мне послано бедствий судьбою моей.
 Ты спрашиваешь, что со мной, о чем я вздыхаю?
 Что есть у меня, кроме горестных дней и ночей?!

Что лучезарная луна перед лицом твоим?
 В сиянье красоты твоей и ночь светлее дня.
 Вот солнце говорит: «Горю от твоего огня!
 Морей не хватит на земле, чтобы залить меня!»

Друг, что я от мира сего получил? Ничего!
 Взгляни, что от прошлых я дней сохранил? Ничего!
 Как чаша Джамшида весь мир я вмещал. Что ж осталось,
 Когда небосвод эту чашу разбил? Ничего.

Возлюбленная ушла и разлуке меня поручила.
 С приходом разлуки ознобом и жаром меня охватило.
 За ней лихорадка пришла, обожгла, обметала мне губы —
 Ревнивица, — чтобы не мог целовать я уста моей милой.

О Хакани! Основа жизни — горе.
 Жизнь и жестокость на одной опоре.
 Ведь силой душу в тело заключили,
 И силой удалят из тела вскоре.

Не вмещается горе мое в этой злачной долине земной.
 Не вмещаются вздохи мои в моей клетке стесненной грудной.
 «Что за горе?» — спросил ты меня. Друг мой, горе мое таково,
 Что горенья и жара его не вместит небосвод голубой.

Ты роза, а я безумно влюбленный в тебя соловей,
 Грущу без тебя, и крылья увяли у песни моей.
 Умолк мой язык, немотствует сумрачный сад без тебя.
 Увижусь с тобой — и песня моя разнесется звучней.

О локоны милой, вы тень этой ночи сгустите!
 О звезды свиданья, помедлите, не уходите!
 Закройте густою завесой восток, облака!
 Вы, утра лучи, задержитесь, мне милость явите!

Ты лицом как луна, кипарису подобен твой стан,
 И молва о тебе донеслась до неведомых стран.
 Пожелтевшее солнце свой свет у тебя занимает.
 О небесная гурья! Рай твой — печальный Ширван!

О шахиня красавиц, я раб твой, я изнемогаю.
 Ты беспечно смеешься, не ведая, как я страдаю.
 Я как пыль пред тобою; ты — ветер широких степей,
 Ты дохнешь — и, как облако пыли, я вдаль улетаю.

Хакани! С этой улицы зла поскорей уходи!
 Горе темное брось и — веселый — смелей уходи!
 Здесь душою тебя, словно цепью, судьба оковала.
 Брось ей цепь! И на волю, как ветер степей, уходи!

И я в дни юности в огонь любви бросался...
 И вот достиг того, чего я домогался:
 Огонь потух, а я сгорел, как мотылек,
 И пепел лишь от всех моих надежд остался.

Где тот яд, что страданья души исцелит?
 Где кивжал, что мученья мои прекратит?
 Где удар, что сразит меня волею неба?
 Смерть приму я, как верным принять надлежит!

Любимая на корабле, а я на суше, я в беде.
 От горя качка у меня, и нет мне пристани нигде.
 О ветер, радостную весть примчи мне от моей любви,
 Чтоб к цели доброй, как корабль, пошел по кормчей я звезде.

Хакани! Ты покоя себе не найдешь никогда!
 Бесплезно бороться с судьбою, смирись навсегда.
 Этот мир не достался навек ни Даре, ни Джамшиду,—
 Если он и тебе не достался — какая беда?

В огне печали Хакани истлел,
 Терпенью сердца наступил предел.
 Так мотылек, в саду свечу увидев,
 На пламя налетел и обгорел.

Вновь цветами сады украшает весна,
О, пришли ко мне с утренним ветром вина!
Я из уст твоих выпью вино золотое,
Пусть душа моя будет, как чаша, полна!

Нас сглазили. Судьба со счастьем в споре.
О милая, вражда вокруг как море!
Умолк наш сладкий разговор любви,
Но знаем мы о тайном нашем горе.

Ты горишь, как Парвин *, в небесах красоты.
Кроме родинок, нет на тебе черноты.
Но души моей цвет нераскрытым остался,
На меня даже мельком не глянула ты.

ПРИМЕЧАНИЯ

П Р И З Н А Т Е Л Ь Н О С Т Ъ М А Т Е Р И

Стр. 13. *Иса* — Иисус Христос; по исламу, один из предшественников пророка Мухаммеда.

Хызр — пророк, якобы нашедший источник живой воды, испив из которого, обрел бессмертие; считают, что Хызр находится в постоянных скитаниях по земле.

О С Е Б Е С А М О М

Стр. 15. *Шахтуган* — правитель одной из областей Азербайджана.

Бейт — двустишие; расширительно бейтами называют стихи.

Хассан Сабит (Хассан ибн Сабит, ок. 590—674) — арабский поэт, воспевший основателя ислама Мухаммеда. Был широко прославлен как первый поэт ислама.

Сахбан Ваил (Сахбан ибн Зуфар аль-Ваили, ум. 674) — арабский златоуст, считавшийся непревзойденным мастером ораторской прозы.

Стр. 16. *Бурак* — мифический конь, на котором пророк Мухаммед якобы поднимался на небо.

Юсуф — библейский Иосиф. По мусульманским преданиям, славился своею красотой.

Чин — Синьцзян. Так назывался и весь Китай.

Стр. 17. *«Братья чистоты»* («Ихван ас-сафа») — философская школа рационалистического направления, возникшая во второй половине X века в Ираке. Хакани, следуя многим мусульманским авторитетам, высказывает здесь отрицательное отношение к ней.

Сухейль — звезда Канопус. Самая яркая из звезд после Сириуса. Ей придавали большое значение в средневековой восточной астрологии.

Ад — мифическое племя, истребленное за богохульство.

Исрафилова труба — труба, в которую архангел Исрафил протрубит пришествие дня восстания из мертвых и Страшного суда.

Да, но без слога «ка» в середине они — презренные «хани». — Игра слов. *Хакани* — царственный; *хани* — прихлебатели, блюдолизы (буквально — скатертники).

Стр. 19. *Был изгнан Адам из Эдема...* — По мусульманской версии, Адам был изгнан из рая за то, что отведал запретной шпеицы.

О В Э П О Х Е И С О В Р Е М Е Н Н И К А Х

Стр. 21. *Калам* — тростниковое перо.

Стр. 22. *Ахриман* — здесь: дух зла.

Стр. 23. *Сура* — название каждой главы Корана.

Шахрбану — дочь царя Ирана Иездигерда III (632—651), при котором Иран был завоеван арабами. Шахрбану была захвачена в плен и, по преданию, отдана в жены внуку пророка Мухаммеда — Хусейну.

Стр. 25. *Семи несмыслящих ребят* — семь небесных сфер.

Стр. 26. *Ходжа* — господин.

Хар-ханзал — колючки, несъедобные растения.

Онагр — дикий осел.

Стр. 27. *Гяз* — тамариск; шел на изготовление стрел.

Заль и *Сам* — герои иранских эпических сказаний, широко известные по «Шах-наме» Фирдоуси.

Идрис — библейский Энох, в исламе — один из пророков, предшественников Мухаммеда.

Стр. 28. *Мухаррам* — первый месяц мусульманского лунного года. Считался месяцем удачных свершений.

Сафар — второй месяц мусульманского лунного года. Считался месяцем, приносящим неудачи и несчастья.

Стр. 29. *Най* — тростник, тростниковая свирель.

Сафар — путешествие. *Сакар* — ад. Буква «ф» имеет в арабской графике вид круглой петли с точкой сверху, буква «к» — вид той же петли, но уже с двумя точками сверху.

Маснави — двустихия с парными рифмами (аа, бб, вв), а также произведение написанное такими двустихиями.

Стр. 30. *Хоть в первых буквах двух его...* — Хакани считает эти буквы арабской графики «ш» и «р» основанием зла, потому что вместе они могут быть прочитаны как шарр — зло (гласные звуки и удвоенность на письме не обозначаются). Далее игра слов основана на том же принципе. *Шариат* — мусульманское право, *башар* — человечество, *шарк* — восток; *гарб* — запад, *гар* — блудница; *хаджи* — человек, совершивший паломничество в святые города ислама — Мекку и Медину; *гариб* — чужак.

Кашгар — Синьцзян. В средние века славился своим мускусом.

Бад — плохой.

Стр. 31. *Таб* — лихорадка. *Табриз* — буквально: вызывающий лихорадку.

Кабарга — серна, из желез которой извлекается мускус.

Аху — персидское название серны, в том числе и мускусной.

Стр. 32. *Сулейман* — библейский Соломон. По мусульманским представлениям, один из пророков — предшественников пророка Мухаммеда.

Стр. 33. *Шарван* — здесь обыграно возможное чтение названия

города Ширвана, этимологизирующее его как связанное с корнем шарр — зло (см. выше).

Юсуфа братья его продали в рабство — намек на библейское сказание (нашедшее отражение и в Коране) о том, как был продан в рабство Иосиф.

Тарабистан — страна радости.

Стр. 35. *Муэззин* — мусульманский служака, возглашающий призыв на молитву.

Стр. 39. *Нужер* — слуга.

Стр. 40. *Муштари* — планета Юпитер.

Саратан — созвездие Рака.

Стр. 42. *...фиал что когда-то пригубивал Джам* — волшебная чаша одного из мифических первоцарей Ирана Джама (Джамшида), в которой он видел весь мир.

Бахрам — царь Ирана из династии Сасанидов Бахрам У Гур (420—438). Убор Бахрама — корона.

Рустам — герой иранских эпических сказаний.

Какф — пещера, где заснули семь отроков эфесских и их пес.

Балам — библейский Валаам; определение «презренный» дано ему потому, что он рассматривался как проповедник язычества.

...иголку Исы. — Иголка, с которой Иса вознесся на небо. Эта иголка принадлежала его матери Мариама (Марии-богородице).

Стр. 45. *Зардушт* (Зороастр) — основатель древнеиранской религии зороастризма. Жил предположительно между VIII—VI веками до н. э.

Стр. 46. *Джамшид* — один из мифических первоцарей Ирана и всего мира, правивший, по Фирдоуси, семьсот лет; был свергнут тираном Заххаком; в средневековой поэзии — образ идеального царя.

Захтак — мифический царь-узурпатор; кормил змей, росших у него на плечах, мозгом юношей.

Самарийцы — самаритяне.

Муса — библейский Моисей.

Стр. 47. *Парвиз* — иранский царь Хосров Парвиз (590—628).

Т Ю Р Е М Н Ы Е О Д Ы

Стр. 49. *Румийский кейсар* — Андроник Комнип, бывший в 1183—1185 годах императором Византии. Рум — Византия. Ода написана в 1173 году, когда Андроник Комнип гостил в Ширване.

Как христианское письмо, идет превратно небосвод — под христианским письмом здесь разумеется греческое, идущее (с точки зрения мусульманина, пользующегося арабской графикой, которой пишут справа налево) «превратно» — слева направо.

Так скован сам Иса иглой...—Иса при вознесении на небо был временно задержан на четвертой небесной сфере, так как у него была с собой земная вещь — игла его матери Мариам. Здесь и далее в оде использованы различные легенды об Исе — Иисусе, распространенные как среди христианского, так и среди мусульманского населения Закавказья и Малой Азии. Тем самым Хакани демонстрирует члену правящей династии и будущему императору крупнейшей христианской державы, какой была в то время Византия, Андронику Комнину свои незаурядные знания в области христианства.

...крест в окне — крестообразная решетка темницы; одновременно крест, образуемый на небесной сфере пересечением экватора и первого меридиана.

Стр. 50. *Кей-Хосров* — третий царь из полулегендарной династии Кейянидов.

Туран — Средняя Азия севернее Сыр-Дарьи. В географических представлениях эпохи Хакани — земли, заселенные преимущественно или исключительно тюрками.

Бижан — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси, — иранский витязь, брошенный туранцами в колодезь-темницу.

Хиджра — мусульманское лунное летосчисление, ведущееся со дня бегства (хиджры) пророка Мухаммеда из Мекки в Медину — с 16 июля 622 года.

Стр. 51. *Аг'ана* — по-арабски значит «мы изъявили покорность, мы повиновались». Эта глагольная форма начинается буквой *алиф*, имеющей вид прямой вертикальной черты. *Айн* — буква, обозначающая гортанный звук, отсутствующий в русском языке и условно переданный здесь апострофом. *Нуи* — буква «и».

Аббасиды (749—1256) — династия багдадских халифов, считавшихся верховными духовными правителями всех ортодоксальных мусульман.

Сельджукиды — династия, правившая с 1038 по 1158 год обширными территориями на Ближнем и Среднем Востоке и в Средней Азии. Ко времени написания оды наиболее сильной из продолжавших существование «малых» сельджукских династий была династия Сельджукидов Кермана (юго-восточный Иран), правившая до 1186 года.

Богра и *Арслан-султан* — современные Хакани правители.

Векиамин — любимый брат библейского Иосифа. *Иуда* — Иуда Искарriot, предавший Иисуса.

Стр. 52. *Абхазия* — под Абхазией в средние века на мусульманском Востоке разумелась Грузия.

Кааба — храм в Мекке, главное святилище мусульман.

Начармагевии... Мухрани — христианские монастыри.

Багратионы — цари из грузинской династии Багратидов.

Стр. 53. *Садрейнхара* — название полосатой материи высокого качества. Одежды из этой материи носились богатыми и знатными людьми.

Тайласан — род пледа-пелерины, которую носят мусульманские ученые и законоведы.

Шейх Санан — герой многих фольклорных легенд, особенно

распространенных в Закавказье; мусульманский ученый, влюбившийся в христианку и принявший из любви к ней ряд требований ее отца, противоречивших ортодоксальному исламу.

Таврасикос — очевидно, искаженное от греческого «стаурос» — крест, со значением «распятый на кресте». Таврасикос в сияющем венце — распятый Иисус Христос.

Яковиты, мелькиты, несториане — христианские секты, распространенные на Востоке.

Стр. 55. *Зенд-Авеста*. — *Авеста* — священная книга зороастрийцев, *Зенд* — комментарий к Авесте на среднеперсидском языке.

Пазенд — здесь: дополнительные комментарии к Зенду.

Нимруд — библейский Нимврод. По мусульманским легендам, хотел ввергнуть в огонь пророка Ибрагима (Авраама).

Мобед — зороастрийский жрец.

Сын Луки Коста (Коста ибн Лука) Балабакки (ум. 922) — переводчик многих произведений греческих философов и ученых на арабский язык, автор философских сочинений; сириец-христианин по происхождению, переводил не с греческих оригиналов, а с сирийских переводов. Среди его сочинений имеется одно (не дошедшее до нас и известное лишь по названию), направленное против зороастризма. Очевидно, его и имеет в виду Хакани.

Мани (216—276) — создатель манихеизма, эклектического религиозного учения, распространившегося в III—X веках от Китая до Прованса.

Танкалуш — искаженное имя собственное или название, толкуемое средневековыми комментаторами, как греческое сочинение антимахейского характера.

Дара — сын Дараба, по мифологической генеалогии, девятый царь из династии Кейянидов, исторически — последний царь из династии Ахеменидов Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.), при котором Иран был завоеван Александром Македонским. По легенде, был предан своими приближенными.

Стр. 57. *Тир* — название четвертого месяца иранского солнеч-

ного календаря. *Нейсан* — пятый месяц сирийского календаря, пользовавшегося в средние века распространением во многих странах Востока. Совпадает приблизительно с апрелем.

Бурджис — планета Сатурн.

Стр. 58. *Джейхун* — река Аму-Дарья.

Стр. 61. *Танур* — печь.

Стр. 63. *Силь* — бурный поток, стекающий с гор.

Э Л Е Г И И

Стр. 66. *Симак* — звезда Арктур. Имеется в виду Абдулмаджид — зять Хакани.

Стр. 67. *Нух* — библейский Ной.

Давуд — библейский Давид (ум. ок. 950 г. до н. э.), царь Иудеи и Израиля. В мусульманской традиции считается одним из пророков — предшественников Мухаммада.

К А С Ы Д Ы

Стр. 73. *Касыда* — панегирическая ода, реже — большое стихотворение на философскую тему, с той же системой рифм, что и в газели (аа, ба, ва, га, да и т. д.).

Медаин (Ктесифон) — столица Сасанидов, разрушенная во время арабского завоевания. Была расположена близ нынешнего Багдада. Ко времени Хакани лежала в развалинах. «Развалины Медаина» — одно из наиболее известных произведений Хакани. Касыда написана им во время второго паломничества в Мекку и Медину в 1175 году или, по другим, менее вероятным предположениям, приблизительно в 1163 году, через шесть лет после его первого паломничества.

Диджла — река Тигр.

Куфа — город в Ираке, бывший в VIII—IX веках крупным культурным центром; ныне не существует; по преданию, не была залита всемирным потоком лишь печь (танур), принадлежавшая жившей в Куфе старухе.

Стр. 75. *Нуман* — имеется в виду царь небольшого арабского государства Лахмидов, находившегося в вассальной зависимости от Сасанидов, Абу-Кабус ан-Нуман ибн аль-Мукзир, который около 602 года был брошен под ноги слону по распоряжению сасанидского царя Хосрова Парвиза.

Ормузд — Ормузд IV (578—590), царь из династии Сасанидов, сын царя Пуширвана (531—578).

Стр. 76. *Ширин* — жена царя Хосрова Парвиза. Их любовь послужила темой многих поэм, сложенных поэтами средневекового Востока.

Хакан — первоначально титул правителей-тюрок; расширительно — монарх вообще.

Джамр — место в Мекке, откуда бралась глина на изготовление четок для паломников.

Сальман — по преданию, первый иранец, принявший ислам и ставший сподвижником Мухаммеда.

Стр. 77. *Дастан* — поэма, сказание.

Стр. 78. *«Зеркало души»* — самая знаменитая из философских касыд Хакани (в переводе, в связи с большим объемом косыдная рифма не соблюдена). В течение столетий многие известные поэты писали на эту касыду своеобразные ответы — назира.

Джуди — арабское название горы Арарат.

...четыре бессмертных гурий... — Имеются в виду четыре первоэлемента, по представлению средневековой космологии земля, вода, воздух, огонь.

Стр. 79. *Барбат* — музыкальный инструмент.

Кейван — планета Сатурн.

Стр. 80. *Диван* — собрание стихов какого-либо поэта, расположенное в порядке алфавита рифм.

Стр. 81. *Шариат* — свод мусульманских законов.

Чипал (Джайпал) — царь Лахора (Северная Индия).

Хакан — здесь: император Китая.

Стр. 82. *Чоуган* — клюшка для игры в конное поло.

Кто хлеб и мир вкусил в Египте... — намек на легенду о Юсуфе — Иосифе Прекрасном.

Канан (Ханаан) — Палестина.

Стр. 83. *...собак двухцветных...* — Имеются в виду сутки — светлый день и темная ночь.

...два хлеба... — то есть Солнце и Луна.

Намаз — молитва, которую ортодоксальный мусульманин должен совершать пять раз в сутки; *последний намаз* — здесь: предсмертная молитва.

Стр. 84. *Звезда Нахид* — планета Венера.

Стр. 85. *Ахмад Мурсал* — то есть самый восхваляемый посланник; прозвание пророка Мухаммеда.

«Нунва-л-Калам» — имеется в виду 68-я глава Корана, называемая «ал-Калам» («Тростниковое перо»), начинающаяся с буквы *нун*.

Стр. 86. *Абан* — восьмой месяц иранского солнечного года (23 октября — 21 ноября).

Афрасьяб — мифический царь Турана, заклятый враг иранцев, бросивший в темницу-колодец витязя Бижана; величайший из богатырей Ирана Рустам вызволил Бижана, спустив в колодец свой аркан.

Аль-афв — по-арабски: прощение.

Что ж, на быке ты хочешь ставить... — Имеется в виду бык, на котором, по средневековым представлениям, держится земля.

Стр. 87. *Сельджукский Малик* — сельджукский султан Малик-шах (1072—1092). Хорасан считался одной из главных областей сельджукского государства.

Кадархан — правитель Самарканда.

Исфаган — город в Центральном Иране, был одной из резиденций сельджукидов.

Гурган — правитель гузов, взявший в плен последнего «великого сельджука» — султана Санджара (1118—1158).

Стр. 88. *Гулистан* — розовый сад, цветник.

Я второй Искандар...— Под первым Искандаром разумеется Александр Македонский, во время одного из своих походов искавший живую воду. Источник этот был найден Хызром, обретшим бессмертие. Искандар живой воды не испил и вскоре после этого похода умер. На реминисценциях этой легенды и построена система образов двух двустиший стихотворения Хакани.

У предела четвертого неба...— Намек на легенду о том, что Иса — Иисус — был временно остановлен у пределов четвертой небесной сферы на его пути к престолу господню, находящемуся в сфере восьмой. В связи с этим поэт сопоставляет себя с Исой и в следующем двустишии.

Восемь дальних эдемов — по мусульманским представлениям, рай делится на восемь райских садов.

Стр. 89. *Абраха* — христианский правитель Южной Аравии второй половины VI века. По преданию, совершил в год рождения Мухаммеда (570) поход на Мекку с целью завоевать ее; слон, на котором ехал Абраха, подойдя к Мекке, преклонил колени в знак уважения к священному городу, и войско Абрахи отступило. Намек на это предание имеется в 105-й главе Корана («Слон»).

Иблис — сатана. Двустиие построено на легенде о том, что сатана не был допущен в рай (так и Хакани не пускают в Хорасан).

Стр. 90. *Близнецы* — созвездие Близнецов. *Бурджис* (Сатурн) часто бывает виден в южном небе в определенное время ночи близ этого созвездия.

Мешхед — город в Хорасане.

Стр. 91. *Могила имама* — находящаяся в Мешхеде могила имама Ризы, прямого потомка пророка Мухаммеда.

Бистам — город в Иране. Бистамская святыня — могила святого Баязида Бистами (ум. 874).

Кава — кузнец, поднявший восстание против тирана Заххака (см. выше) и вернувший правление в Иране «законному царю» — Фаридуну.

...от *Сулейманова перстня*... — волшебное кольцо Соломона.

Стр. 92. *Ираклий* (610—641) — византийский император, основатель династии Ираклия. Легенда о принятии ислама им или кем-либо из его преемников историческими источниками не подтверждается.

Г А З Е Л И

Стр. 95. *Газель* — лирическое стихотворение-монорим (система рифм — аа, ба, ва, га и т. д.), обычно в семь двустиший. В последнем двустишии приводится имя поэта, точнее, его поэтическое прозвание.

Стр. 97. *Дастан* — здесь: песня.

Стр. 99. *Хумаюн* (Хума) — сказочная птица, тень которой, пав на человека, предвещает ему счастье.

Маджнун — буквально: безумец; арабский юноша по имени Кайс, одержимый любовью к девушке по имени Лейли. Их трагическая любовь явилась темой многих сказаний и поэмы.

Стр. 110. ...*притчу о змее и садоводе*... — притча о том, как садовод охотился за змеей, но был ужален ею.

Стр. 113. *Ноуруз* — день начала иранского нового года, отмечаемый 21 марта.

Нарды — игра, заключающаяся в передвижении по особым правилам шашек в соответствии с числом очков, выпадающих на игральном костяке.

Стр. 117. *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

Стр. 119. *Мукатта или кыт'а* — стихотворный фрагмент, преимущественно в два-три двустишия (но нередко и больше), с системой рифм ав, вб, гб и т. д. В форме кыт'а писались преимущественно стихи философского и морально-этического характера.

Стр. 120. *Арджишское море* — озеро Ван.

Стр. 121. *Див* (дев) — демон, злой дух.

Стр. 125. *Симург* — сказочная мудрая птица.

Стр. 129. *Фархад* — легендарный каменотес, безнадежно влюбленный в Ширин, возлюбленную, а затем жену Хосрова Парвиза (см. выше).

Стр. 131. *Джамаль ад-дин* — современный Хакани правитель города Рея.

Стр. 132. *Фирман* — приказ.

Сулейман муравью отказал в пропитании скудном...— По преданию, муравей принес в дар Сулейману (Соломону) ножку саранчи, за что был щедро одарен. Здесь Хакани намекает на скардность современных ему правителей, не поступающих подобно Сулейману.

Стр. 133. *Сура вздох* — звук сура (трубы) архангела Исафила, возведающий о наступлении конца света и Страшного суда.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

...как древле Мухаммед Хассана, знает...— то есть я для него значу то же, что для пророка Мухаммеда прославлявший его поэт Хассан ибн Сабит.

Стр. 134. *Чач* — древнее название Ташкента. Чачские луки считались самыми лучшими.

Шах Парвиз с небреженьем письмо Мустафы разорвал.— По преданию, сасанидский царь Хосров Парвиз получил письмо от основателя ислама Мухаммеда, но разорвал это письмо.

Мустафа — буквально: избранный, — одно из почетных прозваний Мухаммеда. Вскоре Парвиз был убит своим сыном царевичем (шахпуром) Шируей, что якобы явилось карой господней за дерзость, проявленную Парвизом по отношению к посланию пророка господня.

Стр. 136. *У народа в году есть два праздника.* — Имеются в виду Ноуруз — день Нового года, отмечаемый 21 марта, и Михрган — праздник урожая, отмечавшийся 8—12 октября (широко праздновался до конца XI — начала XII века, затем постепенно сошел на нет в результате запретов мусульманского духовенства).

Стр. 137. *На одеяние синего неба...* — Синий цвет считается у мусульман цветом траура.

Р У Б А Й Я Т

Стр. 138. *Рубаи* (мн. число — рубайят) — четверостишие с системой рифм аааа или ааба, пришло в письменную литературу из фольклора; излюбленная форма философской лирики; используется и для создания стихов морально-этического, интимно-лирического (особенно в фольклоре) и сатирического характера.

Стр. 146. *Мои* — грузинское диалектальное «приди». В арабской письменности пишется так же, как слово «муийи» — каждый волос. Рубаи построено на этой игре омографами.

Стр. 147. *Туба* — дерево, растущее в раю близ божия трона.

Стр. 156. *Парвин* — созвездие Плеяд.

М. Занд

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>М. Занд. Хакани</i>	5
Признательность матери	13
О себе самом	15
Об эпохе и современниках	21
Тюремные оды	49
Элегии	65
Касыды	73
Газели	95
Мукаттаат	119
Рубайят	139
Примечания	161

Х А Ж А Н И

Л И Р И К А

Редактор *Э. Джалишвили*

Художественный редактор

Г. Кудрявцев

Технический редактор

Л. Заселова

Корректор *Г. Бейлинсон*

Сдано в набор 12/IV 1966 г. Подписано в печать 16/IX 1966 г. Бумага типографская № 1 70×108¹/₃₂. 5,5 печ. л. 7,7 усл. печ. л. 4,98 уч.-изд. л. Тираж 18 000. Зак. 734. Цена 32 коп.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Октябрь»
Комитета по печати
при Совете Министров УССР,
Киев, Артёма, 23 а.

